

№ 3-4.

Годъ изданія 2-й.

Еибирекій Студентъ.

1915.

ТОМСКЪ.

Пар. тип. Б. К. Орловой, Ямской пер. соб. домъ.
1915.

№ 13543-И

СОДЕРЖАНІЕ.

Магдалина—Стих. <i>Г. Вяткинъ</i>	1
На зарѣ вечерней—Стих. <i>П. Аркадина</i>	1
На дачѣ.— <i>Марія Бауэръ</i>	3
Одинокій.—Стих. <i>Цвѣтковъ</i>	11
Туманъ.—Стих.— <i>А. Оленичъ-Гусененко</i>	11
Обманъ.— <i>Артемъ</i>	12
Вальсъ—Стих.— <i>А. Ц.</i>	19
Памяти Великаго.— <i>Г. Гребенниковъ</i>	20
Къ открытію Народнаго Университета.— <i>Н. Рожковъ</i>	24
Бѣглыя замѣтки.— <i>В. М—ичъ</i>	29
Студенчество о самомъ себѣ.— <i>В. Енисейскій</i>	33
Старая мечта.— <i>А. Горный</i>	37
Катакомбы.—*#	40
Къ вопросу о кооперативныхъ стремленіяхъ Томскаго студенчества.— <i>Чеглецовъ</i>	43
О студенческихъ экскурсіяхъ.— <i>Б. Монастырскій</i>	51
Въ кружкѣ помощи жертвамъ войны.— <i>В. М.</i>	57
Заглохшій кружокъ.— <i>Н. Петровичъ</i>	59
Въ сибирскомъ кружкѣ.— <i>В. Миронъ</i>	63
Страховое агентство.— <i>Д. Б—инъ</i>	65
Скульпторъ сибирякъ.— <i>А. Дубровскій</i>	75
О киргизской поэзіи — <i>А. Блослюдовъ</i>	75
Новый студенческий журналъ.—*#	83
„Въ просторахъ Сибири“ <i>Г. Гребенниковъ</i> —библ. оп.— <i>В. М—ичъ</i>	85
Объявленія	90

Очередной номеръ „Сиб. Студ.“ выйдетъ въ январѣ мѣс.

Настоящій № печатается на сѣрой бумагѣ по обстоятельствамъ отъ Редакціи независимы

Годъ изданія II.

Сибирскій Студентъ“.

1915 годъ.

Ноябрь—Декабрь № 3—4.

Магдалина.

Темнокудрая дѣвушка знойной Магалы,
Чей сверкающій взглядъ изъ-подъ черныхъ рѣсницъ—
Точно валетъ безпкойныхъ зарницъ.—
Разсмѣялась въ лицу Иисусу,
Не склоняя лучистыхъ рѣсницъ.

Но прошелъ Онъ, задумчивъ и тихъ,
Улеглась золотистая пыль на дорогъ,
Долгій день догорѣлъ, шумъ и говоръ затихъ,—
Все стояла она на порогъ,
Вспоминала, какъ шелъ Онъ, задумчивъ и тихъ.

Былъ февраль. Былъ томительный вечеръ весны.
Спали кровли, дороги, аллеи,
И струилось дыханіе ранней весны
Съ благодатныхъ долинъ Галилеи,
Изъ которыхъ пришелъ Иисусъ...

Петроградъ.

Г. Вяткинъ.

На зарѣ вечерней.

На зарѣ вечерней молятся березы,
Тихій, нѣжный шопотъ рвется къ небесамъ,
И росой алмазной пролитыя слезы
Искрятся и блещутъ ярко по листьямъ.

На зарѣ вечерней молятся березы,
Молятся о чудѣ, страстно просятъ—жить.
О движеніи вольномъ ихъ святыя слезы,
Хочется имъ бѣгать, пѣть и говорить.

На зарѣ вечерней молятся березы,
Ждутъ они тревожно чуда по утрамъ.
Чудо не приходитъ— снова льются слезы
И катятся тихо, тихо по вѣтвямъ.

Н. Арнадина.

№ 13249-И

П-186025

НА ДАЧѢ.

Въ маѣ Григорій и Серафима переѣхали на дачу. Всю зиму передъ тѣмъ Серафима чувствовала себя плохо:—уроковъ было мало и отъ нужды, отъ бѣготни по комнатамъ въ поискахъ мѣста, отъ сырой, темной комнаты, въ которой пришлось жить, она осунулась, постарѣла, а къ веснѣ и слегла.

Григорій не любилъ Серафиму, но его трогала привязанность къ нему этой дѣвушки и, предложивъ Серафимѣ переѣхать на дачу, онъ словно покорился, первый сдѣлалъ шагъ къ сближенію, но въ тоже время надѣялся, что все останется, какъ раньше, только дружбой. Григорій былъ высокаго роста, широкій, костлявый:—подъ рубахой круто стояли у него углы лопатокъ и плечъ и когда онъ ходилъ, двигался, руки сами собой отбрасывались назадъ и казались длинными. Волосы надъ открытымъ лбомъ были у него нетемны, кудрявы, но особенно привлекали привѣтливо свѣтившіеся на коричневомъ загарѣ лица неглубокіе, голубые глаза. Разговаривая Григорій какъ-то по особенному скидывалъ ими, обладалъ свѣтомъ, тепломъ и оставалось у постороннихъ впечатлѣніе какой-то бодрости и подкупающей простоты.

У Серафимы были маленькія руки, розовое, но не молодое лицо, морщинки у глазъ и слабая, слегка сутулая фигура.

Серафима и Григорій въ одинъ годъ поступили въ университетъ, но Серафимѣ не удалось окончить его: сперва много силъ уходило на подпольную работу, потомъ пошла тюрьма, ссылка, болѣзни. Григорій тоже работалъ, но работалъ осторожно. Товарищи подшучивали надъ его излишней любовью къ конспираціи, прозвали между собой „Великимъ конспираторомъ“, но уважали крѣпко. Григорій же не обращалъ вниманія на шутки и продолжалъ ежедневно ходить въ университетъ и домой разными дорогами и не кланяться на улицѣ знакомымъ.

За дѣто онъ надѣялся подготовиться къ государственнымъ экзаменамъ.

Переѣхавъ на дачу, Серафима счастлива, блѣдной улыбкой улыбалась солнцу, вдыхала смолистый, насыщенный здоровымъ и силой воздухъ, бродила цѣлые дни по бору, загорала и крѣпила своимъ слабымъ тѣломъ.

Весь май стояли горячіе дни, звенѣла боръ, топилась на солнцѣ янтарная смола и млѣли надъ рѣкой возлушно и цвѣтны горы облаковъ. И здѣсь, на дачѣ, въ двухъ крошечныхъ комнатахъ, рядомъ съ любимымъ человекомъ, Серафима словно помолодѣла и стряхнула со своихъ плечъ тяжело прожитые годы, ссылку, тюрьму.

Съ любовью убирала крошечныя комнаты, удивлялась и подсмѣивалась надъ своими мѣщанскими склонностями, домовитостью, досадовала на себя за всѣ эти пустяки, цвѣты на столахъ, занавѣски...

Все чаще заставляла себя у зеркала ощущать что-то вродѣ стыда. Напрасивались вопросы:—зачѣмъ, для кого?.. Дѣвушка обижала себя,—желаніе нравиться Григорію находила унижающимъ, мелочно-женскимъ мучилась, но безсознательно, стихийно все-таки освѣжала себя бѣленькой блузкой, свѣтлымъ платочкомъ на темныхъ волосахъ и расцвѣтала, наслаждаясь и радуясь, тихимъ, яснымъ днямъ.

Съ утра Григорій уѣзжалъ въ городъ, до трехъ сидѣлъ въ конторѣ потребителямъ саго общества, потомъ заходилъ въ библиотеку, въ лавки, исполнялъ заказы Серафимы и въ четыре подходилъ къ калиткѣ дачи. И каждый разъ, возвращаясь, Григорій заставлялъ Серафиму на терасѣ, с книгой въ рукахъ и то, что она была въ бѣлой блузкѣ съ чернымъ галстучкомъ, нравилось ему, онъ улыбался, крѣпко пожималъ вспыхнувшей дѣвушкѣ руку, но въ тоже время ощущалъ какое-то недовольство, досаду, словно бы эта блузка, оживившееся лицо Серафимы, блескъ ея глазъ обязывали его къ чему-то и въ его жизнь, помимо его воли, вносили что-то новое и нежелательное.

Гуляя съ Серафимой, катаясь на лодкѣ, онъ все начиналъ толковать на старыя те...

мы, о профессиональных союзахъ, кооперативныхъ обществахъ и Серафима притихала. Слушала Григорія, слѣдила за движеніемъ его губъ, глазъ, головы, видѣла пощечку загара на шеѣ и хотѣлось ей улыбаться, плакать счастливыми слезами, говорить о пустякахъ или просто молча смотреть на золотое небо, на облака и прислушиваться къ лѣсному шуму. И выходило такъ, что слышала Серафима лишь перебивающійся голосъ Григорія и въ близости къ нему, полная любви, замирала, а онъ, этотъ голосъ, становился чѣмъ-то большимъ, значительнымъ, какъ само небо, земля, тихій золотой вечеръ.

Григорій увлекался, говорилъ горячо: разводилъ руками и его глаза, либо были серьезны, но замѣтивъ, что Серафима слушаетъ разсѣянно, оставлялъ веѣла и хмурился.

— Счастливая любовь, замужество... — иронически размышлялъ онъ — радужныя мечты...

Серафима поднимала на него глаза и они были влажны, а ея тихонькая улыбка, не то виноватая, не то желающая что-то скрыть, еще сильнѣй выдавали дѣвушку. Григорію становилось досадно, хотѣлось обогнать ее, сказать, что не къ лицу ей, придатилѣтней дѣвушкѣ, ломаться, корчить романтическую особу, играть въ любовь. Начиналъ бить по водѣ весломъ, переливаясь солнцемъ летѣли брызги. Григорій низко надвигалъ шляпу и глуховато говорилъ: — Идемте домой! Серафима угадывала его состояніе, молчала и они не поднимали другъ на друга глазъ. У Григорія ходили щекамъ желваки, онъ нервничалъ, боролся что-то. Серафима шла сзади по старой тропинкѣ между соснами, закусивъ новую травку, и болезненно ощущала, что она некрасива, нескладна, непріятна Григорію. И съ каждымъ днемъ сильнѣе чувствовалось между ними отсутствіе свободы. Глаза у Серафимы постоянно были отчего-то влажны и она стала неловкой, смущающейся, часто безъ причины краснѣющей. Григорій и жалѣлъ ее, и сердился. Ему казалось — Серафима виновата, что ушло

дружеское, простое. болтовня, споры, принципиальные разговоры и пришло что-то новое и мучительное. Часто сдерживалъ себя отъ желанія упрекнуть дѣвушку въ ломаньѣ, въ запоздаломъ кокетствѣ, но въ тоже время чувствовалъ свою неправоту: Серафима была искренна... И дѣвушка ловила на себѣ пристальные взгляды Григорія. Она вздрагивала, оставляла книгу, становилась рѣзка въ движеніяхъ, а однажды уронила стулъ, бросила недопитый стаканъ и, негодуя на себя, пылая вся, убѣжала изъ-за стола.

— Дѣвченка, влюбленная гимназистка, — жгло Серафиму. Прикрыла руками лицо и, полная отчаянія, прислонилась къ дереву. Она, серьезный партійный работникъ, человекъ, который, куда-то велъ другихъ, училъ и вдругъ такія ребячьи, глупыя выходки... влюбленность, странные поступки... стыдъ, стыдъ!..

А Григорій шагаль по терассѣ. Хотѣлъ было пойти за дѣвушкой, утѣшить ее, какъ нибудь сгладить ея поступокъ, но видѣлъ ея красное сконфуженное, почти испуганное лицо, и остался. Въ углу, гдѣ скрипѣли половицы, онъ бранилъ себя, называлъ мальчишкой, трусомъ, боящимся окончить всю эту, начинающую падоѣдать канитель; готовъ былъ просить у Серафимы прощеніе, бѣжать за ней... Шагаль, думалъ и боролись въ немъ какія-то двѣ силы: одна за Серафиму, за тотъ уютъ, который появился съ ней, за ея тоненькую фигурку, слабость, женскую нѣжность, за бѣленькія блузки, которыя она развѣсила на гвоздики... Другая негодовала и внушала что-то несуразное, вроде того, что съ женщиной обмѣщанишься, отойдешь отъ общественной работы, погибнешь! Григорій гналъ все прочь, сердился: — какой же онъ тогда социалистъ, сторонникъ женскаго равноправія, если ему приходятъ въ голову такія нелѣпости. Обычно прямой и честный съ собой, Григорій словно надломился и уперся въ глухую стѣну. И было неловко: — этими мыслями, хотя и про себя, онъ оскорблялъ дѣвушку. такую хорошую, умную, такъ беззащитно отдающуюся.

Измучившись, такъ ни на чемъ и не остановившись, Григорій взялъ шляпу и

пошелъ къ мотору. Рѣшилъ уѣхать въ городъ и провѣрить все издали.

Серафима долго сидѣла у рѣки. Сперва ждала Григорія, думала придетъ, скажетъ чтонибудь ласковое, согрѣетъ и не будетъ ей такъ мучительно совѣстно. Ждала, въ темнотѣ, красно и желто цвѣли по рѣкѣ баканы, гдѣ то шумѣлъ пароходъ, изъ лѣса тянуло пахучей сыростью. Серафима prod-рогла, оборачивалась на каждый шорохъ, но Григорій не шелъ... Припавъ на мягкой травѣ, она заплакала: звѣзды, тишина, бархатная темнота вечера, были настолько прекрасны, что казалось безумнымъ быть одной, томиться, не любить, не глядѣть въ чьи-нибудь глаза...

— Григорій!..—Серафима протягивала руки и молила:—я такъ люблю тебя!.. Твое лицо, волосы... Но заливалась горячимъ стыдомъ, безсильно опускала руки и низко, низко склонялась къ землѣ.

— Влюбленная старая дѣва!..—кривила губы и безжалостно начинала мучить себя, вспоминая насмѣшки Григорія.

Подошла къ дачѣ:—на столѣ у самовара горѣла лампа, но Григорія уже не было...

Григорій даже осунулся за эти дни. Перепочевавъ у своей старой хозяйки, на утро онъ пошелъ къ товарищу. Хотѣлось поговорить хоть съ нимъ...

Товарищъ жилъ далеко и, идя черезъ весь городъ, пыльными улицами, Григорій утомился и зашелъ въ городской садъ, отдохнуть. Выбралъ въ тѣни скамейку и сѣлъ. Рядомъ на желтой, усыпанной пескомъ площадкѣ, съ крикомъ, бѣгала дѣтвора. Звонко прыгали мячъ и вылетали изъ-за кустовъ прямо къ Григорію. Тотъ сидѣлъ и носкомъ сапога чертилъ по землѣ. Проводилъ двѣ линіи, пересѣкалъ ихъ и каждый разъ становилось неловко двухъ рѣшеній не могло быть, а онъ, какъ хорошій лавочникъ, все примѣрялъ что-то, взвѣшивалъ словно на вѣсахъ... Мячъ отвлекалъ его вниманіе. Григорій швырялъ его назадъ и что-то теплое, изъ дѣтства приливало къ сердцу. Вспоминались зеленые скаты, вѣтряки, сѣрыя избы, а на задахъ огороды, гумно подъ желтой соломой и далеко, далеко, ровнымъ ковромъ, отъ самой деревни

до конца земли, какъ казалось ему тогда, босоному мальчонкѣ, степь... Вспоминались и мысли потянулись въ головѣ складные, не замѣтилъ какъ увелъ дѣтвора и стихло въ саду...

Передъ глазами стояла Серафима, тихонько, виновато улыбалась и эта ея всегдашняя, жалкая улыбка уже не бѣсила Григорія...

Поднявъ голову:—сквозь деревья струилось золотомъ заходящее солнце, сырѣли кусты, притихалъ за рѣшеткой городской шумъ. Въ рѣзную бесѣдку съ пѣтушками, пришли уже музыканты, а по главной аллеѣ, пестро и шумно, плыла волна гуляющихъ.

Григорій быстро пошелъ. Серафима, мысли о ней и о томъ, что стало почти неизбежнымъ, словно лѣтнее небо послѣ дождя, прояснились и не тревожили... И уже глаза Серафимы, ея привычка, разговаривая, пристально всматриваться,—потянули къ себѣ и показались близкими и родными.

Серафима ждала Григорія всѣ дни. На терасѣ на столѣ подолгу кипѣлъ у нея самоваръ, а въ комнаткахъ было необыкновенно уютно, чисто, благоухали въ кувшинахъ цвѣты и мягко свѣтила подъ зеленымъ абажуромъ лампа.

Серафима сидѣла около самовара съ книгой, но не читала. Ждала Григорія, хотя чувствовала, что онъ не вернется. Но не смотрѣть въ темноту, не ждать его не могла. Днемъ ходила на дальнія горы, собирала тамъ землянику и уговаривала себя уѣхать. Въ головѣ начинали мелькать разные планы: Серафима видѣла себя въ союзѣ, среди женщинъ, надъ столомъ за докладомъ и бодрлась:—довольно сентиментальничать, пора за работу!.. И странными показывались мечты о тихомъ уголкѣ съ Григоріемъ, ласкахъ, объ общей жизни...

— Жертвовать своей индивидуальностью... Серафима подсмѣивалась надъ собой, одѣвала очки, словно этимъ выражала протестъ, и принималась читать.

— Пустое, пустое, довольно!.. Но читалось плохо. Тепло и тихо надвигался вечеръ. Гдѣ-то, на дальней дачѣ, начинали осторожно водить смычкомъ по скрипкѣ, надъ лѣсомъ блѣдно стыла луна и

Серафима притихала. Помимо ея воли росло въ ней сожалѣнiе о невозможности любить Григорiя, быть ему близкой.

И каждый вечеръ переживала одно и тоже: сперва досаду, протестъ, потомъ тихую грусть...

Когда Григорiй скрипнулъ, наконецъ, калиткой, она рванулась было, вспыхнула. но пересилила себя, сѣла на стулъ и придвинула къ себѣ чашку.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ мягко, положилъ газеты на столъ и прошелъ въ свою комнату. Серафима мелькомъ взглянула на него, кивнула въ отвѣтъ головой и по фигурѣ, по смягчившемуся голосу поняла, что Григорiй что-то сломилъ въ себѣ... Онъ выглядѣлъ, какъ обычно: шелъ спокойно, безъ рѣзкихъ движенiй, но въ надвинутой низко шляпѣ, по тѣнямъ на щекахъ и у глазъ Серафима догадалась о многомъ. Проснувшись жалость, материнская нѣжность къ этому большому, беспокойному человѣку, и привѣтливо она спросила его:

— Вамъ налить чаю?..

Григорiй вскинулъ на нее глаза, сейчасъ же отвелъ ихъ въ сторону и кратко отвѣтилъ: — да!..

Дѣвушка налила. Взяла газеты, сдѣлала видъ, что серьезно занялась ими, но украдкой слѣдила за Григорiемъ. И когда разглядывала его спокойное лицо, залило ее неожиданно ненавистью. Встала, хотѣлось сдержаться, но та, какъ черныя пятна земли весной по снѣгу, проступала сильнѣй, рѣзче... Серафима накинула шаль и знакомой тропинкой пошла къ рѣкѣ.

— Съ какой стати играть роль хозяйки. — язвила себя.

Вернулась обратно. Григорiй сидѣлъ у стола и на мелкихъ бумажкахъ четко писалъ. Серафима зажгла лампу и молча прошла въ свою комнату.

На другой день Григорiй рано, не прошившись, уѣхалъ въ городъ и не возвращался цѣлую недѣлю. Напрасно томилась Серафима, ожидая его, наконецъ, получила коротенькую записку: „работы по горло, готовимся къ сѣзду“.

Краткость, съ которой сообщилъ онъ о сѣздѣ, обидѣла Серафиму: давно уже жда-

ли его обращенiя, много говорили, спорили, волновались, а Григорiй даже не потрудился поѣлиться этой радостью съ Серафимой... Ясно, отношенiя къ ней измѣнились... Серафима замкнулась, насторожилась, одѣлась почему-то въ старое, черное платье, словно вычеркивая этимъ дни возврата молодости, въ которомъ рѣзче выступала ея худоба, сутулость и злорадствовала:

— Пусть не воображаетъ, что я готова обратиться въ мѣщанку...

Слонялась по бору, по комнатамъ, не находила себѣ мѣста, а вечеромъ, расчесывая у зеркала волосы, плакала: — смѣшная, глупая, старая дѣва!..

Пожилась въ холодную постель и не могла отогнать жаркихъ мыслей, думала: вотъ если бы здѣсь лежалъ съ ней рядомъ Григорiй, ласкалъ бы ее, говорилъ нѣжныя слова, развѣ не полнѣй была бы ея жизнь и не больше бы пришло къ ней увѣренности и силы?.. Краснѣла, зарывалась горячимъ лицомъ въ подушки и напрасно старалась уснуть...

Наконецъ Григорiй прiѣхалъ. Были сумерки и Серафима не видѣла его лица. Руку онъ пожалъ ей крѣпко, тряхнулъ ее сильно, какъ обычно, и бросилъ на столъ газеты.

Серафима слышала, какъ онъ умывался у себя, брызгался водой и ее подмывало подойти къ двери и громко сказать, что на дняхъ она уѣзжаетъ. Вставала, дѣлала нѣсколько шаговъ, волновалась, но перешагнуть послѣднiя двѣ половицы не могла.

— Но вѣдь я должна уѣхать, — снова приподнималась она съ мѣста, — должна!..

За соснами краснѣла луна и Серафима чувствовала себя безконечно одинокой. Спустилась съ терассы, пошла. Изъ-за деревьевъ неслись къ ней голоса, звонъ посуды съ дачъ, вой собаки...

— Зачѣмъ все это, тяжело, — томилась Серафима. Боръ кончался, за изгородью лежали уже поля, трещали кузнечики, сладко пахли травы. Вдали надъ зубцами лѣса слабо алѣлъ край неба.

На поворотѣ ее догналъ Григорій.

— Простите меня, — сказалъ онъ низко, грудью: — я виноватъ.

Серафима вздрогнула, засмѣялась, ей смѣхъ рассыпался молодо, серебристо, но въ то же время грустно, словно бы дернули тонкую струну... Эта скрытая грусть тронула Григорія. Онъ еще разъ протянулъ въ темнотѣ дѣвушкѣ руку, крѣпко, какъ товаришу, хотѣлъ тряхнуть ею, но Серафима оступилась и попала ногой въ яму. Желая

поддержать ее, Григорій какъ-то случайно прижалъ дѣвушку къ себѣ, она прилонила голову къ его груди и заплакала. А когда они возвращались обратно и Григорій держалъ ее руку въ своихъ большихъ рукахъ, то, что связывало ихъ, было свѣтло, радостно и ощущала дѣвушка что-то большое, значительное, словно бы слилась она съ безконечно прекраснымъ, Божьимъ миромъ.

Марія Бауэръ.

Одинокій.

Бѣлая ночь незаметно спускается.
Въ воздухѣ рѣетъ бѣлосыи туманъ.
Въ озерѣ мрачно тайга отражается.
Учтвствуешь жизни коварный обманъ.

* * *

Все такъ знакомо, такъ нудно тоскливо.
Убогія юрты торчатъ у озеръ.
Стадо коровъ торопясь молчаливо
Отъ мошекъ спѣшитъ подъ заборъ.

* * *

Тягучую пѣсню мурлыча уныло.
Плетется якутъ на быкѣ.

Огонь дымокура сверкаетъ сонливо,
Ухаетъ выпь вдалекѣ.

* * *

Дикія утки съ шумомъ вспорхнули.
Филинъ зловѣще хохочетъ въ тайгѣ.
Замерли звуки. На время уснули,
Чтобы воскреснуть въ сѣрѣющей мгнѣ.

* * *

Сколько простора... Но душно и тѣсно,
Дико и сѣро-уныло кругомъ,
Сердце тоскуетъ и плачетъ напрасно,
Думы витають въ быломъ.

Якутскъ.

Цѣтковъ.

Туманъ.

Ядовитымъ и бѣлесымъ паромъ
Подымается туманъ съ холодныхъ плитъ.
Лужицы влестятъ по тротуарамъ.
Каплетъ съ крышъ. Душа моя болитъ.

* * *

Въ сѣрыхъ космахъ встрепанной кудели,
Провожая въ безконечность поезда,
Острымъ звукомъ жалобной свирѣли
Монотонно плачутъ провода.

* * *

Какъ во снѣ, плывутъ и тають лица.
Торопливый шагъ не слышенъ. Темень путь.
О, куда вамъ, люди, торопиться!
Здѣсь и тамъ обманчивая муть...

* * *

Здѣсь и тамъ незрячи ваши очи,
И возврата нѣтъ къ покинутымъ мѣстамъ,
И тоска недоброе пророчить
Одинокимъ въ полѣ въгнѣцамъ.

А. Оленичъ — Тененко

ОБМАНЪ.

I.

По утрамъ было особенно хорошо. Свѣтлое вставало солнце, брилліантами вспыхивала трава, и въ чащу близко подходящаго къ путевой будкѣ лѣса скрывался мутносиній туманъ. Горланилъ, хлопая задорно крыльями пѣтухъ. Неумолчно-болтливыя,

точно стараясь перекричать другъ друга, звенѣли птицы и межъ прямыхъ стволовъ тонкихъ сосенъ вырасталъ и крѣпъ ихъ задорный говоръ.

Генка наумный, съ еще не совсѣмъ раскившимися отъ крѣпкаго сна глазами, стремительно выбѣгалъ изъ будки, жадно оки-

дывалъ взоромъ просыпающійся день и отъ нежданно нахлынувшего безотчетнаго восторга, переполненія силъ, бѣгалъ безумно, словно только что выпущенная послѣ долгаго сидѣнья на привязи собаченка.

— Генька, Генька чертепокъ! — неистово кричала мать, зазывая Геньку пить утренній чай.

Отца въ это время уже не было. Онъ забиралъ съ собой флаги, петарды, молоко и уходилъ вдоль бѣгущихъ навстрѣчу, двумя ослѣпительно блестящими стальными змѣями, рельсъ.

Онъ шелъ медленно, иногда наклонялся пристально осматривалъ путь.

Мать цѣлый день прибиралась то во дворѣ, то въ самой будкѣ. И хотя помѣщеніе было маленькое, — работы хватало на каждый день.

И было замѣтнымъ въ этой однообразной жизни лишь одно: поѣзда. Проходили они съ громкимъ стукомъ, пересчитывая рельсы и отбивая тактъ, то длинные, какъ красные мохнатые червяки, которыхъ Генька въ удачный день находилъ на листьяхъ, то неопредѣленно сѣраго, стального цвѣта. И всегда ухарски, словно хвастаясь силой, ревелъ черный, паровозъ — головка червяка, лишь только приближался къ будкѣ.

— Видишь, длинный и вагоны красные, — то товарный. Ежели короткій и вагоны зеленые, да сѣрые — это пассажиръ! — поучала Геньку мать.

Но и поѣзда стали привычными. Лишь когда сторожъ сосѣдняго обхода передавалъ Генькиному отцу предупрежденіе изъ конторы участка, что ѣдетъ „служебный“, — отецъ, видимо, подтягивался, тщательнѣе осматривалъ путь и чаще колотилъ своимъ молоткомъ по блестящимъ рельсамъ. Иногда „служебный“ пролеталъ быстро и отецъ облегченно вздыхалъ, иногда тащился медленно и тогда отцу приходилось разговаривать съначальствомъ. И когда уходилъ поѣздъ, отецъ отдувался.

— Пронесло? — спрашивала мать.

— Слава Богу! — серьезно отвѣчалъ отецъ и вытиралъ потъ, какъ будто только что окончилъ большую и сложную работу.

Будка оживала, когда къ ней подходила артель рабочихъ, смѣнявшихъ шпалы и рельсы. Тогда Генька, пѣлыми днями ходилъ за артелью, таскалъ хворостъ, подлаживалъ огонь и ждалъ, когда закипятъ вода въ котелкѣ.

И когда Геньку кто-нибудь хвалилъ:

— Молодецъ, парничекъ. Дай тебѣ Богъ жену хорошую! — Генька вырасталъ отъ гордаго сознанія своей полезности.

А ночью, несмотря на ворчанье матери, они оба съ отцомъ уходили къ артели и вели нескончаемые разговоры о начальствѣ, о новостяхъ, моментально распростравившихся по линіи.

II.

Въ средній лѣта неожиданно заговорили о войнѣ и Генька узналъ многое о томъ, какъ люди стараются убивать другъ друга.

И скоро мимо Геньки пошли частые красные червяки, но только двери вагоновъ, прежде крѣпко запертыя и припечатанныя на пломбы были теперь широко распахнуты и въ нихъ стало видно цѣлыя кучи солдатъ.

Иногда выѣстъ съ поѣздамъ прилетала и умирала въ стукъ колесъ залихватская пѣня, и тогда Генькѣ казалось, что про войну ему наврали и что тамъ совсѣмъ нѣтъ страшныхъ вещей. Иначе солдаты не ѣхали бы такъ весело.

Генька любовно махалъ проходившимъ поѣздамъ своей дыривой соломенной шляпой, кричалъ тоненькимъ пронзительнымъ голосомъ:

— До свиданья! — и былъ очень радъ, когда изъ вагоновъ ему отвѣчали крикомъ и поклонами.

И еще не успѣли пройти всѣ солдаты, — съ другой стороны пришло извѣстіе:

— Бѣдутъ плѣнные!

Генька пересталъ встрѣчать поѣзда съ солдатами, уже не махалъ на прощанье рукой, а все ждалъ, когда пойдутъ другіе люди, очевидно на насъ совершенно непохожіе и страшные и имя которымъ: плѣнные.

Онъ былъ разочарованъ, когда прошелъ поѣздъ, по увѣренію отца, съ плѣнными. Увидѣть ихъ Генькѣ не удалось, т. к. две-

ри оказались закрытыми, а въ окошки теплушек смотрѣли самые обыкновенные люди.

Ганька не вѣрилъ и удивлялся, когда одинъ изъ рабочихъ артели рассказывалъ отцу:

— Ничего особеннаго. По разговору которые вродѣ какъ-бы хохлы, али поляки. Въ городѣ ихъ ужъ много...

Было непонятно, какъ это плѣнные, да еще имѣющіе странне-тревожное имя „ерманцы“, — оказывались не только не чудовищами вродѣ тѣхъ, которые по осеннимъ ночамъ завывали въ печной трубѣ будки, стучали въ дверь и окна, но даже похожіе на знакомыхъ хохловъ, вродѣ Герасима, который звонить въ колоколъ на разъѣздѣ.

— Одежа у нихъ вродѣ какъ-бы мышьяго цвѣту. И шинель, и мундерь, и кепка... — рассказывалъ рабочій отцу. И моментально мозгъ Геньки создалъ и остальное. Мышьяго цвѣту? Значить что-то среднее между мышью и человѣкомъ, морда и хвостъ. О хвостѣ хотя и не говорилъ рабочій, но онъ, конечно, у всѣхъ плѣнныхъ былъ, но они, какъ очень хитрые, далеко хитрѣе всѣхъ, искусно прятали его.

И теперь Генькиной мечтой стало попасть въ городъ.

Плѣнные являлись и во снѣ, въ сумеркахъ маячили межъ стволовъ въ лѣсу, расплывались большимъ туманнымъ облакомъ какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ небо уперлось въ землю. Что они могли оказывать вездѣ, теперь Генька не сомнѣвался.

Вставало и каждый вечеръ умирало солнце, день и ночи шли туда, къ разъѣзду, разныхъ цвѣтовъ поѣзда съ громкоголосыми черными паровозами, каждый день везли и плѣнныхъ. И Генька уже сталъ привыкать къ своимъ образамъ плѣнныхъ, какъ привыкъ къ домовому, который жилъ въ будкѣ за печкой и иногда по ночамъ „давилъ мать“, о чемъ по утрамъ она рассказывала сама.

Но въ одинъ изъ свѣтло-жаркихъ дней, когда солнце нестерпимо раскалило рельсы, песокъ и оградку около будки, пришелъ съ обхода отецъ и за обѣдомъ подѣлился съ женой:

— Денешу сейчасъ, быдто, объявили. Изъ Крутоложья убѣжали, быдто, два плѣнника. Слѣдали чтобы всѣ...

Мать приняла сообщеніе близко къ сердцу, ругалась и обзывала „ихъ“ псами.

Снова для Геньки настало тревожно-любопытное время. Надо было не пропустить возможности увидѣть плѣнниковъ близко. Теперь-то ужъ, конечно, они должны появиться. Но гдѣ, въ какомъ образѣ? Ночью ли, когда Генька будетъ спать или днемъ — эти вопросы волновали Геньку настойчиво. Одного лишь не хотѣлъ Генька, чтобы плѣнные появились ночью или чтобы встрѣтились съ нимъ одинъ на одинъ тогда, когда онъ привязывалъ корову въ въ томъ мѣстѣ, откуда не видно было будку.

— Тятя, а они когда мимо насъ пойдутъ?

— Эхъ ты, голова! Что они письмо, чтоль намъ напишутъ: Генька, встрѣчай, молъ насъ!

— Стороной поди пойдутъ. — добавила мать.

Но Генька не вѣрилъ, что они пойдутъ стороной. Вѣдь всѣмъ понятно, что имъ опять надо попасть на войну, а на войну всѣ ѣдутъ мимо Генькиной будки. Если же пойти въ сторону отъ будки, то попадешь или въ лѣсъ, конца которому нѣтъ, или въ большую деревню, куда Генька ѣздилъ какъ-то въ церковь.

III.

Въ это утро Геньку разбудили чужіе голоса на дворѣ. Вставать сегодня не хотѣлось, потому что за окномъ былъ мгlisto-пасмурный день, а стекла слезились.

— Смотрю это я, словно кто-то подъ мостъ прошелъ. Сначала думалъ, что это ты и думаю, дай подожду, — говорилъ какъ то особенно возбужденно, отецъ?

— Ну? — вѣтерпѣливо перебило нѣсколько голосовъ.

— Подождалъ, значить, нѣтъ не выходить. Дай, думаю, подойду ближе. Подошелъ къ мосту-то, спустился. Смотрю — человѣкъ. Прижался къ столбу то и стоитъ. Выходи, говорю, какой ты есть человѣкъ? Вышелъ онъ. Чего ты, говорю, подъ мостъ забрался. Куда идешь?

— Иду говорить, въ Барановку къ родителямъ....

— Что-жъ ты пѣшій-то?

— А я, говорить, на поѣздъ опоздалъ!

Дѣло неладно, вижу. Пойдемъ, молъ, къ будкѣ, милый человѣкъ. А Ефросинью-то, бабу свою, къ мастеру послалъ...

Генька замеръ. Ужъ не плѣннаго ли поймали? Мигомъ вскочилъ и порекнулъ на улицу.

Тотъ, про котораго говорилъ отецъ, сидѣлъ на штабелѣ старыхъ шпаль. Генькѣ было достаточно одного бѣглаго взгляда, чтобы убѣдиться, что это никакъ ужъ не плѣнникъ. Молодое, блѣдное лицо, усики стрѣлками, черный хорошій пиджакъ, брюки съ полосками и шляпа. Было совершенно непонятно, почему отецъ могъ такъ грубо и неосновательно ошибаться.

— Скоро прѣдутъ жандармъ и мастеръ. На дрезинѣ прибѣгутъ...

То, что произошло потомъ по прѣздѣ дорожнаго мастера и жандарма, сильно уронило въ глазахъ Геньки авторитетъ этихъ двухъ людей. А между тѣмъ равнѣ къ нимъ Генька чувствовалъ большое почтеніе, т. к. ихъ боялся даже отецъ и они могли лично разговаривать съ самымъ большимъ начальствомъ.

— Кто такой?—приступилъ къ допросу жандармъ.

— Крестьянинъ Саратовской губерніи и уѣзда,—безучастно отвѣтилъ тотъ, котораго считали плѣннымъ.

— Имя?

— Стефанъ Полищукъ.

— Какъ попалъ на путь?

Также заученно и методически онъ отвѣтилъ, не поднимая головы:

— Шелъ въ Барановку къ роднымъ...

— Документы есть?

Неожиданно замаялся, растерянно оглядывалъ окружившихъ его. И такая безпомощность выразилась на его лицѣ, что Генькѣ невольно стало жаль его. Словно вспомнилъ что-то человѣкъ, тихо и убѣжденно произнесъ:

— Меня обокрали въ поѣздѣ...

— Обокрали?—покачалъ недовѣрчиво головой жандармъ.—Обыскать!

И задержанный передернулся, гримаса боли и испуга молніей мелькнула на его лицѣ.

Но потомъ, когда къ нему подошли двое прѣхавшихъ на дрезинѣ рабочихъ, онъ словно выпрямился, жестомъ руки отстранилъ ихъ и спокойно сказалъ:

— Я самъ...

Вытащилъ изъ кармана какія-то бумаги, портмоне, платокъ, перочинный ножъ и подалъ жандарму.

— Больше нѣтъ.

И сразу, казалось, обмякъ, сталъ жалкимъ, затравленнымъ и снова жалость провралась въ Генькино сердце.

Жандармъ развернулъ бумаги и вдругъ удивленно вскинулъ глаза и вскочилъ.

— Эт-то что-о?!

И голосъ его сталъ напряженно-тихимъ, ломающимся.

— Это документы изъ полка. Я рядовой австрійской арміи, тридцатаго ландвернаго полка. Изъ лагеря плѣнныхъ...

Жандармъ какъ-то особенно сладострастно охнулъ. И всѣ окружающіе напрялись, невольно отпрянувъ сначала, придвинулись ближе и остро-любопытно вглядывались въ блѣдное и жалкое лицо. И молчали. Только мать неожиданно громко выругалась:

— Ахъ, песь паршивый!..

Сказалъ, что онъ долго жилъ въ южной Россіи, плѣнный на всѣ остальные вопросы отвѣчать отказался.

Жандармъ торопливо писалъ протоколъ. Кругомъ заговорили и не было злости въ простыхъ словахъ.

— Домой захотѣлъ. Нѣ-етъ, братъ. Сиди на мѣстѣ, на то ты и въ плѣнъ попалъ.

„Плѣнный“?!—думалъ Генька. И до чего бываютъ недогадливы большіе. Если бы это былъ плѣнный, то ему ничего не стоило-бы оборотиться маленькой мышкой, шмыгнуть между шпаль и оставить всѣхъ съ носомъ.

„Можетъ быть, еще и уйдетъ“?!!

Но плѣнный не уходилъ. Жалкой походкой, безвольно и безучастно онъ по-

59-186025

шелъ за жандармомъ, сѣлъ на дрезину. И когда дрезина скрылась и тотъ, кого принимали за плѣннаго, никуда не исчезъ и ни кого не напугалъ, всякое сомнѣнiе Генъ-ки исчезло:

— Большіе ошиблись. Это не плѣнный!..
Не повѣрилъ Генъка и тогда, когда отецъ получилъ пятнадцать рублей награды

за поимку плѣннаго. И если бы Генъка могъ выразить точными словами свое отношеніе къ опростоволосившимся большимъ, онъ сказалъ-бы:

— Чудаки, право. И кого обманываете?..

Артемъ.

Вальсъ.

Тамъ, за окномъ, мрака черная пасть,
Тамъ, за стѣной, чья-то страшная власть...
Пусть-же огни разгорятся свѣтлѣй,
Будемъ кружиться, кружиться быстрѣй!..

Что съ нами будетъ, — не все ли равно,
Въ книгу судебъ все давно внесено;
Страстью горимъ мы, — предсказана страсть...
Милый, тѣснѣе, боюсь я упасть!

О, незнакомецъ, теперь я твоя,
Милый, твоя я, другого любя...
Но и другой вѣдь теперь ужъ не мой:
Въ вихрь волшебномъ затерянь другой!

Ширятся, ширятся стѣны... Ушли...
Нѣтъ подо мною ужъ больше земли...
Нѣтъ больше мыслей — есть огненный свѣтъ...
Нѣтъ ничего... И меня уже нѣтъ!..

Тамъ, за окномъ, мрака черная пасть,
Тамъ, за стѣной, чья-то страшная власть...
Пусть-же огни разгорятся свѣтлѣй,
Будемъ кружиться, кружиться быстрѣй!

А. Д.

ПАМЯТИ ВЕЛИКАГО.

(1910 г. — 1915 г.)

Говорить о Львѣ Толстомъ и жутко и въ то же время радостно.

Творчество Толстого и его жизнь почти также необъятны и непостижимы, какъ необъятно и непостижимо море съ его стихій и глубинами. Но кому не захотѣлось бы говорить о плескѣ моря и его лазури, о

бѣлыхъ кружевахъ прибрежной пѣны, о его вѣчной жизни, когда отъ этого поютъ и говорятъ даже тѣ раковины, которыя напѣты его шумомъ и выброшены на берегъ...

О жизни и творествѣ Толстого хочется говорить и пѣть съ такою же охотою и наслажденіемъ, съ какою простые или полу-

дикіе народы разсказываютъ въ сказаніяхъ или распѣваютъ въ пѣсняхъ о своихъ великихъ богатыряхъ.

Намъ, русскимъ читателямъ, хочется говорить о Львѣ Толстомъ не потому только, что онъ великъ и что является національной гордостью Россіи, но и потому, что его творчество—это чаша того сладостнаго и ядовитаго вина жизни, отвѣдавши котораго невольно хочется выйти на просторы солнечнаго свѣта, гдѣ сама собой польется пѣсня о печаляхъ и радостяхъ, о красотѣ и Богѣ, о всей непостижимой жизни, которую такъ горячо заставилъ полюбить Толстой.

Не все ли равно—каковы слова этой пѣсни, и кто ее поетъ.

Въ ней можетъ быть немного словъ, они могутъ быть примитивны и несложны, какъ у дикаря, или пѣсня можетъ быть совсѣмъ безъ словъ—важно одно, что мотивъ ея—тоска и радость о землѣ и солнцѣ, о той многообразной жизни, въ которую влюбилъ насъ этотъ величавый и красивый богатырь—поэтъ...

Это тотъ богатырь, одно воспоминаніе о которомъ пробуждаетъ въ человѣкѣ представленіе о жизни, какъ о цвѣтущемъ необъятномъ садѣ.

Почти цѣлое столѣтіе бродилъ въ этомъ величавомъ саду величавый витязь, отыскивая и постигая истинную красоту, расчищая къ ней тернистыя тропинки, благословляя каждый проблескъ истины и заклиная каждый порохъ зла.

Всѣ пути-дороги въ саду этомъ имъ исхожены, всѣ ароматы впитаны, всѣ черныя тѣни и яркіе лучи и ласковая синева небесъ и шопотъ вѣтра отразились въ глубокой душѣ, а искушенья и страданья легли на плечи тяжелой ношею, съ которой витязь не хотѣлъ расстаться до конца своихъ дней, потому что полюбилъ великою любовью дремучій садъ жизни... Въ тяжелой ношѣ этой, взваленной на могучія плечи, заключаются скрижали мудрости и той любви, которая оздоравливаетъ душу человѣка и гонитъ изъ нея черный сумракъ...

Мощною былинной развертывается передъ потомствомъ жизнь Толстого. Въ былинѣ этой есть на чемъ остановить вниманіе,

есть что послушать и просвѣщенному сыну вѣка и простолюдину, и чѣмъ чаще мотивы ея будутъ прикасаться къ струнамъ человеческой души, тѣмъ шире и свѣтлѣе будутъ для людей просторы жизни, тѣмъ ближе они будутъ къ Богу любви и красоты.

Послѣдніе годы жизни Льва Николаевича, какъ извѣстно, были годами, зовущими людей въ Ясную Поляну со всѣхъ концовъ свѣта...

Кто не слыхалъ объ этой притягивающей и вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельной силѣ яснополянскаго старца.

Люди, какъ растенія къ лучу солнца тянулись, къ Толстому.

Въ 1909 г. 19 марта сбылась и моя мечта о посѣщеніи русской святыни—Ясной Поляны.

Помню, былъ солнечный мартовскій полдень, когда я съ помятымъ трепетомъ сошелъ съ поѣзда на станцію Щекино.

Захудалый, сухопарый яснополянскій мужичекъ, весьма похожій на того Акима, который во „Власти тьмы“ всѣ свои переживания и мысли старается вложить въ ничего неговорящее „тае-тае“, усадилъ меня на плоховскія дровни и на захудалой клачѣ повезъ по еще бѣлымъ отъ снѣга полямъ къ Ясной Полянѣ.

Дорожка была не набѣженная, узенькая, не то что отъ Козловой Засѣки, часто проваливалась. Впереди видѣлись синеватая каемка лѣсныхъ участковъ, и мой ямщикъ, настегивая лошадь и вмѣстѣ съ тѣмъ, показывая кнутовищемъ въ стороны, охотно разъяснялъ мнѣ, куда любить лѣтомъ ѣздить и ходить Толстой.

И по мѣрѣ приближенія къ Ясной Полянѣ въ душѣ паросталъ какой-то не то страхъ, не то стыдъ, что я отважился тревожить такого человѣка...

Но скоро показался длинный тынъ, а возлѣ него изъ-за бугорка выпрыгнула и деревня, прижавшаяся къ парку. Мужикъ, попрежнему настегивая лошадку, проѣхалъ длинную улочку съ крытыми соломой избами по сторонамъ, похожія на башенки стариннаго монастыря, повернулъ въ ворота и по длинной, широкой аллеѣ парка покати́лъ къ усадьбѣ...

Скоро показался и домъ, бѣлый и не столь большой, какъ представлялось мнѣ по картинкамъ; у задняго крыльца въ просительной позѣ ожидала что-то баба... Мой ямщикъ, бойко тпрукнувъ на лошадь и сойдя съ дровней, весело сказалъ:

— Ну, вотъ и къ грахву приѣхали... Только никакъ онъ хворааетъ все...

Дѣйствительно, Левъ Николаевичъ былъ нездоровъ, и привавшій меня внизу Николай Николаевичъ Гусевъ очень ласково, но не безъ упрёка, спросилъ:

— Неужели у васъ ужъ такое неотложное и важное дѣло, чтобы отрывать Льва Николаевича отъ работы. Къ тому же онъ и нездоровъ... А вы откуда.

— Изъ Сибири.

— Изъ Сибири...—удивился Гусевъ.

Какая-то и правда, и неправда сжали мое сердце. Мнѣ было совѣстно: въ самомъ дѣлѣ, думалъ я, какое я имѣю право отнимать у міра часть труда великаго человека. И въ то же время горько, что не придется его увидѣть, можетъ быть, никогда больше, не услышать его голоса, не узнать его взгляда...

И я, поворачиваясь и заглашая въ себя слезы, иду къ дровнямъ мужика. Но не могу въ нихъ сѣсть и долго стою въ оцѣненіи и раздумьи.

Вдругъ слышу торопливые шаги по лѣстницѣ, и на крыльцо выбѣгаетъ Николай Николаевичъ:

— Вернитесь. Левъ Николаевичъ желаетъ васъ видѣть. Онъ сказалъ, что если васъ не приметъ, то совѣсть будетъ его мучить.

И вотъ я поднимаюсь на верхъ и прохожу совѣмъ въ простую и вовсе небольшую комнату-гостинную и весь наполненный трепетомъ жду торжественнаго, не бывалаго

и неповторяемаго момента—когда онъ войдетъ...

И онъ вошелъ, почти беззвучно, въ верблюжемъ желтомъ халатѣ, съ высоко поднятымъ однимъ плечомъ, съ полусѣдыми, гладко причесанными и рѣдкими волосами, съ рѣдкой бѣлой бородою, еквозъ которую просвѣчивалъ розовый подбородокъ, съ глазами совѣмъ не тѣми, суровыми, которые передаютъ его портреты, но добрыми, ласковыми, голубыми глазами, старчески грустными и смотрящими куда-то далеко-далеко, казалось, по ту сторону міра...

Какъ теперь слышу его немного глуховатый старческий голосъ, вижу и чувствую, какъ усадивъ меня близко возлѣ себя напротивъ, такъ что колѣни его ногъ прикасались къ моимъ, и я ощущалъ ихъ теплоту, а обѣ руки его покоились на рукояткѣ стараго, потемнѣвшаго простого костыля и то и дѣло поочередно поглаживали эту рукоятку...

Онъ подарилъ мнѣ цѣлый часъ и каждое его слово, каждый его жестъ сохранится въ моей памяти, какъ святыня, и никогда я не забуду, какъ уходя въ другую комнату, онъ сказалъ мнѣ, полуобернувшись вслѣдъ, послѣднія ласковыя слова.

Другимъ увидѣлъ я весь бѣлый свѣтъ, когда вышелъ снова въ паркъ. Когда же поѣхалъ, то, оглядываясь на усадьбу безсознательно снялъ шапку и ѣхалъ такъ по всей аллеѣ парка, чувствуя, какъ золотыя и холодныя капли тающего на деревьяхъ снѣга падали мнѣ на голову и за воротникъ, будто Ясная Поляна кропила меня на прощанье той живой, бодрящей водою, за которой тянутся сюда ея паломники.

Черезъ одинъ годъ и восемь мѣсяцевъ Толстого не стало.

Г. Гребенщикова.

Къ открытію Народнаго Университета.

Въ Томскѣ скоро будетъ Народный университетъ: П. И. Макушинъ получилъ извѣстіе, что уставъ его утвержденъ.

Это—радостное извѣстіе: первый, очень тяжелый камень сдвинуть. Открылись ши-

рокія, свѣтлыя возможности. Но надо возможность превратить въ дѣйствительность.

Что для этого важнѣ всего?

Важнѣ всего, чтобы въ будущемъ Народномъ университетѣ царилъ подлинная на-

ука, а не схоластическое знаніе и не знаніе фальсифицированное.

У насъ немало университетовъ. И въ нихъ преподается наука. Но часто, слишкомъ часто это наука для диплома, казенная наука. Въмѣсто ученыхъ ее преподають нерѣдко сухіе и узкіе эрудиты, специалисты „лѣвой руки и правой пятки“, изъ-за деревьевъ не видящіе лѣса, иногда даже фальсифицирующіе науку въ угоду сильнымъ и часто не хотящимъ и не умѣющимъ связать ее съ подлинной жизнью, почти всегда, наконецъ, боящимся истины во всей ея обнаженности и пугливо прикрывающимъ ее разными оговорками.

Нужны доказательства, примѣры, иллюстраціи? Ихъ сколько угодно.

Вотъ свѣтила правой науки: профессоръ зоологій А. А. Тихомировъ и приватъ-доценты Борисъ Никольскій и Чистяковъ. Первый всю свою энергію положилъ на борьбу съ величайшимъ обобщеніемъ біологій XIX вѣка — теоріей Дарвина, самъ при зоологическомъ кабинетѣ Московскаго университета создалъ питомникъ шелковичныхъ червей и матерію изъ полученнаго шелка подарилъ на платье одной высокопоставленной особѣ. Г. Чистяковъ пытался фальсифицировать государственное право, а г. Никольскій римское и гражданское, и послѣдній потерпѣлъ полную неудачу — его диссертация была отвергнута, а первый, хотя и получилъ степень, но послѣ позорнаго для него диспута, причемъ почти половина факультета голосовала противъ присужденія ему ученаго званія.

Но то — люди, отходящіе въ прошлое. Не сегодня-завтра черная рать стянется, хотя, можетъ быть, еще и отравить своимъ смраднымъ дыханіемъ не одно существованіе. Есть болѣе серьезныя ученые, за которыми числятся дѣйствительныя заслуги. А посмотрите, какъ они служатъ моменту, забывая объ истинахъ, ими прежде признававшихся, хотя бы и съ оговорками.

Въ Москвѣ недавно былъ „день англійскаго флага“. И что тамъ говорили профессора А. А. Мануиловъ и С. А. Котляревскій.

А. А. Мануиловъ написалъ когда то прекрасную книгу объ арендѣ земли въ Ир-

ландіи и въ 1911 г. въ столкновеніи съ покойнымъ Кассо оказался на высотѣ положенія: отказался быть чиновникомъ безъ разсужденій, превращающимъ университетъ въ участокъ, — и долженъ былъ уйти. Онъ — одинъ изъ тѣхъ, кто, казалось, понимаетъ, что національный „духъ“ есть прежде всего фикція, потому что „духъ“ у каждого класса общества особый, и что націи больше всего различаются между собою степенью матеріальнаго и культурнаго развитія, чѣмъ въ конечномъ счетѣ, за малыми исключеніями, опредѣляется и типъ ихъ національнаго лица. А теперь, забывая, что есть русскіе и русскіе, англичане и англичане, онъ объявляетъ, что русскій и англійскій національный духъ — близки между собою. Почему же жизнь Россіи и жизнь Англіи такъ различны? Почему въ Англіи Длэйдъ-Джорджъ, а у насъ Сухомлиновъ, Мясоѣдовъ, Фрейнатъ и Гротгусъ?

А рядомъ съ г. Мануиловымъ г. Котляревскій заявляетъ, что интересы Россіи и Англіи всегда были, есть и будутъ одинаковы. Г. Котляревскій, правда, всегда бродилъ по пустынь ученаго пустословія и отрицалъ классовый принципъ, но вѣдь и ему, казалось бы, слѣдовало рядомъ съ обычнымъ заявленіемъ, сейчасъ приведеннымъ, не только припомнить съ великолѣпной беззащитностью о японской войнѣ, какъ это онъ сдѣлалъ, но и осмыслить ея тайныя пружины. Ему слѣдовало припомнить и русско-турецкую войну 1877—78 гг. И можетъ быть ему сдѣлалось бы тогда неможно нелѣзко.

П. Н. Милюковъ — тоже ученый и профессоръ. И притомъ извѣстный, талантливый историкъ. И это не помѣшало ему недавно съ трибуны Госуд. Думы заявить, что 10 лѣтъ тому назадъ существовалъ „чернокрасный блокъ“. Любопытный въ самомъ дѣлѣ блокъ: союзъ палки съ тѣмъ, кого она бьетъ, при благожелательномъ къ палкѣ нейтралитетѣ или при боязливомъ преклоненіи передъ палкой „золотой середины“ между черными и красными, упорно желавшей выбрать своимъ символомъ зеленый цвѣтъ — цвѣтъ надежды, — и справедливо заслужившей эмблему желтаго цвѣта за

свое преклоненіе передъ временно сильными, за поклоненіе успѣху, за готовность слѣдовать за колесницей побѣдителя, кто бы онъ ни былъ.

Мало того: есть еще желто-черные ученые — тѣ, кто унашаетъ свою рѣчь часто громкими фразами, отодвигая въ неизмѣримо далекое будущее торжество справедливости, въ дѣйствительности страшное имъ и часто ими же обзываемое „хамствомъ“ и „грядущимъ рабствомъ“. И потому они проповѣдуютъ банкротство науки, провидящей уже теперь сквозь кровавый туманъ, наступленіе всеобщаго братства трудящихся. Больше десяти лѣтъ тому назадъ надъ замѣной науки мистицизмомъ всякихъ родовъ и видовъ и проповѣдью того, что наукѣ не все доступно и даже почти ничто недоступно. истина же открывается тѣмъ то вродѣ созерцанія собственного пупа, много потрудились авторы извѣстнаго сборника „Проблемы идеализма“. Потомъ большая ихъ часть перешла въ печальной памяти „Вѣхи“, да и теперь ту же старую, пудную пѣсню тянутъ два идеалистическихъ Аякса изъ Проблемъ“ и „Вѣхъ“ — г.г. Булгаковъ и Бердяевъ, изъ которыхъ первый — тоже профессоръ.

И вотъ, когда видишь это поле, усыпанное мертвыми костями, начинаешь понимать, почему многіе изъ учащейся молодежи, разочаровавшись и отчаявшись, уходятъ изъ жизни, добровольно кончаютъ всѣ расчеты съ ней при помощи яда или пули. Это печально. Но это еще не самое худшее: сколько другихъ остаются живыми мертвецами, ко всему равнодушными кромѣ диплома и карьеры, гробами, наполненными гнилью, съ „мертвенностью души“ и „сердцемъ хладныхъ скопцовъ“! Эта смерть живо всего ужаснѣе.

Хотимъ ли мы открыть народу при помощи Народнаго университета такіа же перспективы?

Конечно, нѣтъ!

Народу нечего бояться истины, потому что ему въ будущемъ предстоятъ не потери, а только пріобрѣтенія. Только тѣ, кто боится потерять господство, преимущества,

привилегіи, кричатъ: „помошьте просвѣщенія“! Народу нужно просвѣщеніе полное и законченное, совершенное. Ему необходима истина, *вся истина и только истина*.

Народъ чувствуетъ, если еще не знаетъ, что истина всегда жизненна. И потому подлинная наука не можетъ быть отлучена отъ жизни.

Народъ не повѣритъ, что наукѣ почти ничто недоступно. Потому что, если бы это было вѣрно, — неужна была бы наука, неужны были бы и университеты — народные и иные. И жизнь, грозная дѣйствительность каждый день свидѣтельствуетъ намъ о могуществѣ науки.

Наукѣ все доступно. Она всеальна въ будущемъ. Она могущественна уже и въ настоящемъ.

Если бы у насъ поменьше было гасителей просвѣщенія, побольше было науки, знанія, просвѣщенія, сознательности, пониманія окружающей дѣйствительности, — не было бы ни великихъ жертвъ, ни страшныхъ поражений, не было бы и самой войны; Россія, просвѣщенная свѣтомъ свободной науки, была бы непреодолимо — могучей.

Подлинная наука, не боящаяся истины во всей ея обнаженности, можетъ и должна принести народу великую пользу. Но и народъ принесетъ наукѣ великую пользу: онъ, только онъ одинъ сдѣлаетъ ее подлинной, неподдѣльной, свободной и жизненной. Потому что народу нечего бояться въ будущемъ, — онъ смотритъ въ будущее съ упованіемъ, надеждой и увѣренностью.

Конечно, на дорогѣ Народнаго университета будутъ волчцы и тернии. Конечно, хищныя и темныя силы будутъ облегать его вражески. Конечно, и внутрь его проберется гниль и расложивіе, мракобѣсіе и лицемеріе. Все такъ. Но здѣсь нѣтъ уже на лицо союзъ науки съ народомъ — двухъ величайшихъ жизненныхъ элементовъ будущаго. Изъ нихъ, изъ союза между ними, несмотря на всѣ препятствія, выйдутъ народная, т. е. свободная наука и просвѣщенный т. е. свободный народъ.

Н. Рожковъ.

БѢГЛЫЯ ЗАМѢТКИ.

Есть такія тяжелыя болѣзни, которыя для слабаго человѣческаго организма кончаются полной катастрофой, а для здороваго и сильнаго являются какъ бы средствомъ къ обновленію, къ пышному, еще не испытанному, расцвѣту силъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что какъ только кончится эта ужасная мировая война, демократія Западной Европы будетъ торжествовать свою побѣду, вступивъ въ новую стадию грандіознаго и глубочайшаго переустройства социальныхъ началъ жизни.

И, прежде всего, буйный приливъ силъ, радость выздоравливающаго переживетъ народное тѣло Германіи. Поднявшись съ одра, оно, прежде всего, позаботится о дезинфекціи, объ освѣженіи атмосферы, о созданіи такой новой обстановки существованія, чтобы уже не страшиться въ будущемъ предъ возможностью повторенія только что перенесенной болѣзни.

Какъ бы не была страшна болѣзнь, здоровый и сильный организмъ, повторяемъ, вынесетъ ее, слабый—станетъ надолго еще болѣе анемичнымъ и хилымъ. И потому, для слабаго организма не безразлично многое въ самомъ процессѣ болѣзни: во первыхъ, важно, чтобы этотъ процессъ не затянулся; во вторыхъ, необходимо принять всѣ мѣры, чтобы атмосфера, въ которой находится больной, возможно глубже и длительнѣе освѣжалась; въ третьихъ, необходимо разумное лѣченіе. Преступно прибѣгать къ помощи доморощенныхъ лѣкарей, пользующихъ больныхъ корешками и афонской водицей. Еще опаснѣе для страждущаго чеховскіе зубодеры отъ „хирургіи“: эти господа берутся за все, но ничего не могутъ, а главное, лѣзутъ сами всюду и оставляютъ больного въ покоѣ лишь тогда, когда, напрягая послѣднія силы, онъ хватается за бамбуковую палку... Съ большою осторожностью слѣдуетъ относиться и (какъ это, на первый взглядъ, ни странно) къ привилегированнымъ, увѣнчаннымъ извѣстностью, докторамъ медицины: эти господа, когда не видятъ за пациентомъ хорошаго гонорара, склонны предписывать... бромъ и валерьяновыя капли,

валерьяновыя капли и бромъ,—вообще, на ихъ языкѣ—полный покой. Нельзя лѣчить больного также... на разстояніи, такъ сказать, заочно. Тутъ нѣрѣдко даже и очень хорошіе, доброжелательные врачи ограничиваются тѣмъ-же рецептомъ: полный покой.

Вотъ, чудеса творятся въ Китаѣ. Это—старый, старый больной. Въ послѣдніе годы у одра его всталъ Юаншикай. Въ характерѣ этого удивительнаго человѣка есть очень многое, роднящее его, напр., съ представителями нашихъ ка-дѣ. Какъ только въ Европѣ загремѣли пушки, онъ такъ перепугался за своего больного, что тотчасъ-же предписалъ: абсолютный „покой“. Не могли пока предупрежденія державъ. Рѣшилъ, что державамъ не до него.

Державамъ Европы, пожалуй, воистину не до Китая. Война перевалила на второй годъ. И отъ народовъ требуется новое и новое напряженіе силъ. Германія все еще не „побѣдителя“, какъ о томъ мечтала юнкерская свора... И уже нѣтъ никакой надежды на осуществленіе этихъ мечтаній. Придется таки золотымъ сословіямъ Пруссіи потѣсниться на собственной землѣ, чтобы дать дорогу народу.

Союзники не чувствовали и не чувствуютъ себя побѣжденными. Англія продолжаетъ лихорадочно готовиться къ новымъ выступленіямъ, дѣлая въ этомъ направленіи чудеса. Франція не отстаетъ отъ Англіи. То, что дѣлается въ этихъ странахъ, въ сущности, не есть, какъ мы передъ тѣмъ выразились, *чудо*. На „чудо“ болѣе, чѣмъ кто-либо, тамъ не рассчитываютъ. Это—широкая, планомѣрная работа, и результаты ея воистину великолѣпны, чуду подобны. Конечно, вопросы, связанные съ войною или вызванные ею, рѣшаются тамъ не по плану, продиктованному войною, а преимущественно, путемъ мѣропріятій, являющихся прямымъ продолженіемъ социальной политики послѣдняго десятилѣтія, которая постепенно разрѣшала проблему распредѣленія народнаго богатства.

Широкое, полное участіе демократическихъ массъ въ дѣлѣ государственнаго стро-

ительства Англіи, шагъ за шагомъ, въ теченіи года войны, привели, правительство страны на грани осуществленія того, что могло бы быть названо государственной организаціей народнаго хозяйства. По крайней мѣрѣ, въ этомъ направленіи уже произведенъ опытъ, и Ллойд—Джорджъ, знающій силу своего народа, не останавливающагося, чтобы доказать ее предъ активными выступлениями (напр., извѣстная стачка уэльскихъ углекоповъ), вотъ что говорилъ предъ лицомъ бристоляскаго конгресса: „Я часто читалъ резолюціи трэдъ—юніонистскихъ конгрессовъ относительно націонализаціи производства. Мы это сдѣлали... Поощрите же насъ, когда мы идемъ по указанному вами пути“.

Ллойд—Джорджъ зналъ, съ кѣмъ онъ говорилъ, и что можно ждать, когда народъ „поощряетъ“, одобряетъ. Онъ зналъ, что это—единственный путь къ великому народному сердцу, таящему въ себѣ неисчерпаемыя силы. Онъ зналъ, что только такъ развертываются народныя силы, которыми не страшень никакой врагъ, какъ бы не былъ онъ изобрѣтателемъ и гевіалемъ.

Геній народа—великій непобѣдимый полководецъ. Таковъ лозунгъ борющейся Франціи, страдающей, обогрениой кровью, но бодро взирающей передъ собою и продолжающей свою, страшную для вторгнувшихся въ страну враговъ, работу. Наши эмигранты воодушевлены этой напряженной работой великихъ народовъ, хранящихъ свободы. Наши эмигранты чувствуютъ въ себѣ отраженное бѣненіе этого могучаго мірового пульса. И они шлютъ въ Россію, изъ своего прекраснаго далека, горячіе воодушевленные призывы къ борьбѣ съ Германіей, къ защитѣ родины, указывая на то, къ какимъ „незаслуженнымъ экономическимъ бѣдствиямъ“ трудящагося населенія союзныхъ съ Россіей западныхъ странъ“ привела бы побѣда Германіи.

Мы говоримъ объ извѣстномъ, обошедшемъ всю русскую печать, воззваніи группы социалистовъ—эмигрантовъ. Вѣроятно, его знаютъ наши читатели, но мы все же приведемъ изъ него нѣсколько рецептурныхъ строкъ. Поставивъ лозунгомъ „побѣду надъ

внѣшнимъ врагомъ“, авторы воззванія даютъ свои совѣты рабочимъ: „Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вамъ захотѣлось бы отвѣтить на него (поведеніе предпринимателей) стачкой, вамъ надо подумать, не повредитъ-ли она дѣлу обороны... Частное должно подчиниться общему, и т. д.“

Другая группа социалистовъ, находящихся дома, въ Москвѣ, послѣдовала примѣру эмигрантовъ и призвала рабочихъ также „къ защитѣ“, но указала, при этомъ, что въ этой борьбѣ за родину она „выдвигаетъ лозунгъ мира“, такого, при которомъ „возможны сохраненіе и развитіе интернаціонально—товарищескихъ чувствъ рабочихъ всѣхъ странъ“. Это воззваніе, какъ и третье—петроградской группы социалистовъ, обошло также всю русскую печать.

Москвичи заявляютъ, что „мобилизовать и организовать нашъ пролетаріатъ въ условіяхъ настоящаго момента—значитъ, прежде всего, мобилизовать и организовать его на почвѣ обслуживания нужды защиты страны и смятенія бѣды военнаго времени“.

Москвичи, конечно, ближе къ Россіи, чѣмъ эмигранты, петроградцы ближе къ москвичамъ и народу, вмѣстѣ. Петроградцы говорятъ о всенародной защитѣ: „Всенародная защита, поставившая передъ воюющей и нейтральной Европой новую Россію, способна не только остановить чужестранное вторженіе, но и создать почву для возстановленія такихъ интернаціональныхъ связей которыя вѣрнѣе и скорѣе всего приведутъ къ миру—общему, прочному и пріемлемому для пролетаріата всѣхъ воюющихъ странъ“.

„Всенародная защита“ и „мобилизація пролетаріата“—это больше, чѣмъ далекій „привѣтъ“ эмигрантовъ; это—для нѣмцевъ опаснѣе разоблаченія социалистовъ-эмигрантовъ, указывающихъ въ воззваніи, что „генеральный штабъ германской арміи готовъ оказать поддержку всѣмъ тѣмъ, которые вздумаютъ проповѣдывать ее (анархическую тактику: „все или ничего“)“, и потому предлагающихъ не забывать слова Крылова: „что врагъ совѣтуетъ, то, вѣрно, худо“.

Въ русско-японскую компанію такая же дурная слава шла о врагахъ: это-то, вѣроятно, и вспомнили социалисты-эмигранты.

Соціалисты-эмигранты безъ сомнѣнія любить свою родину. Въ этой любви много материнскаго чувства, всегда слѣпо-беззаветнаго. Мать можно упрекать въ недостаткѣ педагогическаго чутья, но въ искренности нельзя ее упрекнуть никогда...

Когда и уже заканчивалъ эти замѣтки, телеграфъ принесъ сообщеніе, что на предложеніе Государственнаго Совѣта принять титулъ монарха Юаншикая, слагая съ себя клятву президента республики, отвѣтилъ полусогласіемъ. Если случится такъ, то снова въ Китаѣ восторжествуютъ, принципы абсолютнаго покоя.

Конечно, пребывая въ такомъ состояніи, не страшенъ будетъ Китай даже Монголіи; но, вѣдь, до этого вѣтъ дѣла при

ворженцамъ Юаншикая: былъ бы Китай или не страшенъ!

Трудно сказать, что будетъ со страной драконовъ въ ближайшихъ десятилѣтіяхъ, но „завтра“ она не будетъ беспокоить никого своимъ легкомысліемъ... Сознательные и безсознательные приверженцы Юаншикая, пока-что, добились своего.

Извиняюсь передъ читателемъ, что заканчиваю свои замѣтки Китаемъ. Китай — страна нейтральная, но мы не можемъ не интересоваться и нейтральными странами въ эту великую годину войны, когда надо слѣдить за всѣмъ, даже за тѣмъ, что дѣлается въ нейтральныхъ странахъ.

В. М-ичъ.

СТУДЕНЧЕСТВО О САМОМЪ СЕБѢ.

„Жизнь университетскаго студенчества ряда послѣднихъ лѣтъ представляетъ грустную картину идейной разрухи и моральнаго обнищанія“: „студенты обратились въ отдѣльныхъ посягателей университета и представляютъ сѣрую массу, чуждую интенсиной идейной жизни и далекую отъ созвнія и отъ стремленія реализовать общественную цѣнность своихъ силъ“; „распыленность и отсутствіе общественныхъ навыковъ среди университетскаго студенчества особенно послѣднихъ лѣтъ, съ чрезвычайной остротой обнаруживается теперь“ — такъ опредѣлило петроградское студенчество свое современное состояніе.

Для лицъ, хорошо знакомыхъ со студенческой жизнью послѣднихъ лѣтъ, такой діагнозъ не новъ: отъ отдѣльныхъ лицъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ можно было слышать указанія на отрицательныя черты студенческой массы; но все же не лишне задать себѣ вопросъ, чѣмъ они обусловлены. На первый взглядъ такое опредѣленіе своей общественной цѣнности учащейся молодежи, этой „надежды страны“ на будущее, сулитъ мало свѣтлаго впереди: что можетъ создать „сѣрая масса“, носящая на себѣ слѣды „идейной разрухи“, „моральнаго об-

нищанія“, „моральнаго маразма“! Межъ тѣмъ намъ кажется, что если и есть много горькой правды въ приведенныхъ словахъ, то сознаніе этого должно не испугать насъ, а заставить смѣло смотрѣть впередъ.

Признаки паденія това общественныхъ настроеній въ студенческой средѣ появились съ момента крушенія надеждъ и чаяній русскаго общества, съ началомъ реакціонной эпохи. Когда была поражена демократія въ ея борьбѣ съ феодальными пережитками, и начался періодъ постепеннаго занятія временно уступленныхъ позицій дороформенной Россіей, то же самое пережила вся русская интеллигенція. Юность быстрѣе воспламеняется, ярче горитъ, но и отчаяннѣе, паденіе ея рѣзче. Съ высотъ чистаго служенія идеаламъ демократіи, разочаровавшись въ возможности ихъ достиженія въ ближайшемъ будущемъ, студенчество прошло всѣ стадіи паденія общественнаго настроенія, сильно откачнувшись въ сторону себялюбивой борьбы за дипломъ.

Яркая, но недолгая „заря новой жизни“ смѣнилась жуткой туманностью сѣраго утра. Студенчество пережило настолько большой упадокъ силъ, что даже научные кружки его стали страдать худосочиемъ. Не хотѣ-

лось ни работать, ни думать; такъ темно было вокругъ, такъ тяжело, смутно было въ душѣ. Изъ различныхъ организацій былъ изгнанъ духъ идейной близости и поддержки. Даже въ тѣсномъ кругу землячества стало проявляться взаимное недоверіе. Они преслѣдовали лишь матеріальныя цѣли. Въ нихъ не шевелилась даже мысль о томъ, насколько обидна та форма матеріальнаго обезпеченія учащейся молодежи, которой они служили.

На почвѣ взаимнаго недоверія и отрицанія творческой способности въ коллективной работѣ развился индивидуализмъ, естественно превращая студенчество въ механическое лишь соединеніе отдѣльныхъ побѣдителей университета. Если еще живы были въ комъ общественныя инстинкты, тѣ скоро вынужденно сходили со сцены, какъ—по крылатому сравненію—исчезаютъ сливки по мѣрѣ того, какъ устоятся, въ желудкѣ лакомой, неспускающей глазъ съ горшка съ молокомъ кошки. Во всемъ этомъ лежала причина распыленности учащейся молодежи. Не вина въ томъ русской интеллигенціи, что она оказалась безсильной въ неравной борьбѣ: ей не было на что опереться. Интеллигенція значеніе приобретаетъ, лишь опираясь на живую силу народныхъ массъ.

Безсильной оказалась и учащаяся молодежь бороться съ уродливыми наростами, образовавшимися на ея жизни. Почувствовавъ безнаказанность своего поведенія, нѣкоторыя группы въ средѣ ея дали волю проявленіямъ своихъ антисоціальныхъ наклонностей, развязнымъ лакействомъ покупая благосклонность вліятельныхъ людей, подготавливая себѣ будущую карьеру.

Одно ли студенчество было повинно въ тѣхъ грѣхахъ, въ которыхъ оно кается... Оно жило подъ знакомъ эпохи, дѣлило общую участь русской интеллигенціи періода безвременья. Пораженіе страшно своими послѣдствіями. Горе побѣжденнымъ: „Послѣдній ужасъ ее въ огнь и бурѣ, а въ вѣніи тихаго вѣтра“ (Д. Мережковский). Печать растерянности и подавленности легла на общественную психику. Много кошмарныхъ образовъ, много уродливыхъ теченій дала наша литература—зеркало обществен-

ности—за этотъ одинъ изъ наиболѣе тягостныхъ этаповъ ея исторіи.

Лишь отойдя достаточно далеко отъ явленія, мы можемъ видѣть въ немъ положительныя черты. Вблизи, если оно мыслится нашимъ сознаніемъ, если мы болѣемъ его недостатками, мы видимъ только эти недостатки. Плодъ творчества всегда кажется неудовлетворительнымъ творцу (будь онъ творцомъ хотя бы лишь въ собственномъ представленіи), такъ какъ онъ въ своихъ надеждахъ не могъ учесть всѣхъ трудностей борьбы со свойствами матеріала. Когда не оправдались надежды на великую перестройку русской жизни, естественна была апатія и страхъ передъ той жизнью, которая оказалась сильнѣе человѣка, не поддалась его творческой работѣ. И вотъ—жизнь уже представляется ему кѣмъ-то въ сѣромъ, безстрастнымъ и сильнымъ, передъ которымъ безсильнѣе человѣкъ „въ слѣпомъ невѣдѣніи, томимый предчувствіями, волнующимъ надеждами и страхомъ покорно сдѣлающій кругъ желѣзнаго предначертанія“. Жизнь замыкается вокругъ него; онъ въ ней, какъ заключенный въ стѣны, откуда нѣтъ ему выхода, гдѣ онъ танцуетъ безумный танецъ прокляженныхъ или бьется объ нихъ: „Убийца! отдай мнѣ самого себя!“ Онъ готовъ уже проклясть эту ужасную, неподдающуюся воздѣйствію творческой силы жизнь, какъ проклинали ее герои Л. Андреева, такъ ярко отразившаго въ своихъ произведеніяхъ весь ужасъ психики интеллигента пережитой недавно эпохи.

Онъ дальше идетъ—онъ доходитъ до культа этого ужаса, до прославленія паденія. „Страхомъ можно взять человѣка, вывернуть какъ-то мозги его и душу—и тогда прекратится вечерній наглый, самоуверенный свистъ у него надъ ухомъ“ („Крестовыя сестры“ Ремизова)—слышимъ мы черезъ 3—4 года послѣ вдохновенной „Пѣсни о буревѣстникѣ“. „Наша литература теперь есть литература катастрофы, отчаяннаго ужаса, смерти: у каждого мальчишки въ душѣ апокалипсисъ“,—такъ писалъ въ то время Чуковский. И корчился отъ этого ужаса потерявшій вѣру въ себя человѣкъ;

или устремлялъ глаза свои къ небу, ища или строя бога; или гонялся за блуждающими огоньками досужихъ своихъ настроений, не находя, чѣмъ заполнить образовавшуюся пустоту въ жизни; или страдалъ въ безплодныхъ потугахъ купей фантазій потерявшего подъ ногами почву. Тяжелый кошмаръ долго висѣлъ надъ русскимъ обществомъ, потерявшимъ прямой правильный путь, блуждавшимъ по теряющимся, запутаннымъ тропинкамъ. Что же можно было въ такое время спрашивать съ учащейся молодежи—плоти отъ плоти русской интеллигенціи. То же уныніе, порой доходящее до апатіи, до полного индифферентизма къ общественнымъ вопросамъ, доводившее отдѣльных ея представителей до самоубійства; та же разпыленность, разрозненность.

Но вотъ словно послѣ длительной болѣзни съ множествомъ осложнений, началось выздоровленіе—постепенно къ обществу стала возвращаться силы; это явилось отраженіемъ измѣненія соотношенія силъ классовъ въ нѣдрахъ экономической жизни Россіи. Неожиданно вспыхнувшая война встрепенула русское общество, поставила передъ нимъ рядъ насущныхъ задачъ и требующихъ отвѣта вопросовъ. Недавніе случайные сосѣди, какъ жители Россіи, почувствовали себя гражданами одной страны. Война выдвинула на очередь вопросъ о необходимости объединенія въ цѣляхъ мобилизаціи общественныхъ силъ для обслуживания задачъ тыла арміи, бьющейся съ ворвавшимся въ предѣлы Россіи врагомъ, для борьбы съ возможными тяжелыми послѣд-

ствіями перемѣщенія массъ разореннаго населенія занятыхъ непріятелемъ областей, съ неблагоприятными слѣдствіями неизбѣжнаго разстройства хозяйственной дѣятельности. Война вскрыла многія слабыя стороны нашей жизни и послужила толчкомъ тому нарастанію общественныхъ настроеній, свѣдѣтелями котораго являемся мы теперь.

Студенчество также не могло молча пройти мимо всѣхъ этихъ вопросовъ и, ясно почувствовавъ свою деморализованность и разпыленность, не стало замалчивать ихъ. И констатировало оно свою низкую общественную дѣятельность не съ тѣмъ, конечно, чтобы впасть вновь въ уныніе или отчаяніе, и не съ тѣмъ, чтобы, облегчивъ душу свою покаянiемъ и обрѣтя въ томъ моральное облегченіе, успокоиться и мирно уснуть. Въ констатированіи „идейной разрухи и морального обнищанія“ уже звучитъ призывъ бороться съ этими язвами общественной жизни, наслѣдствомъ нашего недавняго прошлаго. Идя дальше, оно должно будетъ намѣтить себѣ и путь. Будетъ ли то старый путь кружковщины, замкнутой въ тѣсныхъ стѣнахъ академической жизни, или путь къ участію въ работѣ на широкомъ поприщѣ большого общественного дѣла—покажетъ будущее. Если формы объединенія демократическихъ массъ пріобрѣли теперь иной, чѣмъ прежде, характеръ, то и студенчество, думается, должно будетъ измѣнить свой прежній путь. Работая въ рядахъ широкихъ массъ, оно повеситъ туда свою вѣру и силу молодости, свои знанія и энтузіазмъ.

В. Енисейскій.

СТАРАЯ МЕЧТА.

Жуткое время. Уже не чувствуютъ потребности даже въ тѣхъ призрачныхъ покровахъ, фиговыхъ листкахъ софистики, къ которымъ прибѣгали раньше. Общество находится передъ неразрѣшимой дилеммой, въ безвыходномъ кругу: кровавое зарево вторженія врага на западѣ, черныя крылья реакціи надъ страной. Уже давно разсѣялась иллюзія о всеобщемъ благополучіи послѣ войны. Отчего-же не охватила всѣхъ сѣрая

тоска отчаянія, а, наоборотъ, какая-то новая струя бодрости вливается въ жизнь? Отчего сквозь немногія щели поставленныхъ преградъ пробиваются свѣжіе ростки общественныхъ начинаній и мощно звучитъ призывъ къ организаціи и объединенію,—объединенію духовно-близкихъ теченій, а не лицемѣрному примиренію непримиримого? Отчего?

Мы устали, мы просто устали от протекавших лѣтъ своеобразнаго алкоголизма, искавшаго забвеній, вакханалій нравственно-оголоденной личности. Мы пришли къ началу. Но пришли, умудренные исторіей, болѣе способные къ трезвой работѣ, съ большимъ умѣніемъ различать цѣнности. Растетъ и усиливается реакція правящихъ круговъ, но кончилась реакція общественная. А она всего страшнѣе.

Въ этотъ періодъ новой весны возрождается старая, красивая мечта, мечта объ единомъ сплоченномъ студенчествѣ. Несмотря на пережитыя разочарованія, она никогда не умираетъ совсѣмъ. Это она придавала особое внутреннее значеніе отдѣльнымъ студ. организациямъ, казалось-бы чисто экономическимъ. Это она до сихъ поръ окружаетъ студенчество свѣтлымъ ореоломъ въ глазахъ широкихъ общественныхъ круговъ. И хотя далеко ушла дифференціація студенчества, хотя въ вашей средѣ открылась гнойная язва академизма, хотя много среди насъ „отдѣльныхъ слушателей“, индифферентистовъ, но надежда еще не потеряна. Объ этомъ говорить вдругъ повысившейся интересъ ко всѣмъ доступнымъ учащ. молодежи формамъ совместной дѣятельности, объ этомъ свидѣлствуютъ послѣднія выступленія петроградскихъ организаций. „Студенческіе Годы“ (въ ноябрѣ) призываютъ къ самопознанію, къ производству широкой анкеты, какъ началу новой жизни. Можно только приветствовать это пожеланіе. Но

анкета, какъ показала уже опытъ, не даетъ правильной картины дѣйствительности. Въ особенности, въ области идейной. Бывали курьезы: напр., среди примыкающихъ, по ихъ словамъ, къ лѣвымъ теченіямъ оказался, по даннымъ одной изъ петроград. анкетъ, значительный процентъ антисемитовъ. Это показываетъ, что культурный уровень студ. массы недостаточно высокъ, что „прогрессивность“ образа мыслей есть скорѣе священная традиція, чѣмъ результатъ интеллектуальнаго развитія, оттого такъ легко студенты-„радикалы“ превращаются въ жизни въ отъявленныхъ ретроградовъ. Наша средняя школа, въ которой нивелировка, стираніе индивидуальныхъ особенностей стали основнымъ принципомъ, конечно, не можетъ способствовать развитію яркой и широко-образованной личности. Поэтому особенно важно сдѣлать студенческіе годы очищающимъ и облагораживающимъ горниломъ. Постоянный источникъ интеллигентныхъ силъ страны — учащаяся молодежь должна помнить, что наступаетъ пора, когда потребность въ всесторонне-развитыхъ дѣятеляхъ сдѣлается особенно острой. Студенчество не особый социальный классъ съ узко-ограниченными интересами, не можетъ жить только замкнутой кастовой жизнью. Организация и саморазвитіе — лозунги дня. Если студенчество есть термометръ общественныхъ настроеній, то его надо проградуировать.

А. Горный.

КАТАКОМБЫ.

Статистическій семинаріи высшихъ женскихъ курсовъ въ Петроградѣ произвелъ анкету среди слушательницъ съ цѣлью выясненія ихъ матеріальное положеніе въ связи съ военнымъ временемъ. Картина тѣхъ условий, среди которыхъ приходится жить, работать и учиться нашей молодежи, получилась поразительная:

На страницахъ маленькихъ анкетныхъ листковъ, говоритъ С. Ш. въ газетѣ „День“, слагается въ сущности жуткая повѣсть хроническаго недѣданія, безнадежной бѣготни по грошевымъ уро-

камъ, жизнь въ нетопленыхъ комнатахъ, подвалахъ и углахъ“.

„Хлѣбъ вздорожалъ“, — пишетъ курсистка, — „а аппетитъ вѣдь не уменьшился, и въ результатъ черезъ каждые 10—15 листочковъ можно прочесть слѣдующія признанія:

— „Обѣдаю черезъ день“, „на послѣдней недѣлѣ обѣдала одинъ разъ“, „питаюсь однимъ чернымъ хлѣбомъ, булки покупаю только по праздникамъ“, „всегда голодна“, „давно не ѣмъ — самый худой обѣды и то 30 коп., что въ мѣсяцъ составляетъ 9 рублей. А гдѣ ихъ

взять? 2 раза въ день пробавляюсь чаемъ“.

Горькой ироніей звучать слова: „не голодаю, такъ какъ уже привыкла мало ѣсть“, „сапасъ здоровья позволяетъ экономити на пищѣ“.

Подавляющее большинство живетъ вдвоемъ, втроемъ; пятеро живутъ въ комнатѣ съ однимъ окномъ. Хорошо еще, если есть хоть одно окно. А вотъ вѣдь одна ухищряется жить въ комнатѣ, гдѣ только „ $\frac{1}{2}$ окна“—очень узенькое, маленькое“,—поясняетъ она. Нѣкоторые живутъ и безъ оконъ, въ темныхъ комнатахъ безъ мебели, куда проходятъ только на почлегъ.

О своихъ квартирахъ курсистки пишутъ:

„Холодно, сыро, темно“, „грязно, холодно, мокрицы, клоны“, „темно, шумно, тѣсно“, „душно, хозяйка советъ не позволяетъ открывать форточку“, „въ комнатѣ нѣтъ печи, приходится открывать дверь въ кухню“. „Мыши такъ и бѣгаютъ“.

„Холодно, холодно“,—песется со всѣхъ листковъ. „Отъ сильнаго холода невозможно заниматься“. Топить зимой обѣщаютъ не регулярно, а въ зависимости отъ погоды и стоимости дровъ.

У многихъ нѣтъ теплой одежды. „Почему“,—спрашиваетъ одна изъ курсистокъ,—нѣтъ въ анкетѣ вопроса о томъ, какъ отражаются условія нашей жизни на здоровьѣ и на занятияхъ? Несмотря на то, что этотъ вопросъ отсутствуетъ, нѣкоторые сами даютъ на него безотрадный отвѣтъ въ особыхъ примѣчаніяхъ.

„Мозгъ не работаетъ“,—съ отчаяніемъ пишетъ курсистка, поступившая въ 1915 году,—потому, что всегда хочу ѣсть. Поступила на курсы, чтобы окупиться въ науку, въ свѣтъ нашей жизни, а въ дѣйствительности приходится всѣ силы тратить на добываніе проклятаго куса хлѣба“.

Къ одному листку приложено цѣлое письмо, въ которомъ изложено то, „что въ душѣ накипѣло“. Привожу часть этого письма: „Недостижимая мечта о совмѣщеніи работы для заработка съ работой по курсамъ вызываетъ не неудовлетворенность, не отчаяніе даже а тупую, безысходную боль. Когда урывками приходится загмывавать на курсы, какъ высоко цѣнишь ихъ. Но жизнь безпощадно зоветъ къ себѣ, напоминая, что, къ сожалѣнію, не духомъ только однимъ живъ человѣкъ, но и хлѣбомъ

насущнымъ. И какая зависть пробуждается къ тѣмъ, которые могутъ учиться безъ постоянной мысли о кускѣ хлѣба“.

Еще не закончена разработка анкеты, но, когда она будетъ закончена, ея цифровыя данныя заставятъ общество задуматься надъ тѣми условіями, въ которыхъ живетъ и работаетъ учащаяся молодежь.

Не знаю почему,—пишетъ по этому поводу А. Яблоновскій въ „Кіевской Мысли“,—но жизнь голодающихъ русскихъ курсистокъ всегда связывается въ моемъ воображеніи съ древними христіанскими катакомбами.

Передъ моими глазами рисуются глубокія, темныя подземелья, узенькіе коридоры, блѣдныя лица и огоньки одинокихъ свѣчей, которые, какъ золотые мотыльки, притаились въ холодныхъ, сырыхъ углахъ.

Тяжелая, сиротская жизнь...

Но пока горитъ въ рукѣ тоненькая свѣчка, люди не боятся этой жизни. Они знаютъ, что золотые огоньки обладаютъ волшебной силой, что они манятъ и влекутъ и что безъ нихъ душа человѣческая застынетъ отъ холода и одиночества.

Вотъ уже скоро минетъ пятьдесятъ лѣтъ, какъ русскія учащіяся дѣвушки зажгли свои огоньки.

Но и до сихъ поръ старшія поколѣнія не сдѣлали ничего, чтобы лучъ солнца освѣтилъ, наконецъ, темныя катакомбы, черезъ которыя лежитъ путь къ высшему знанію.

Учиться—значитъ у насъ голодать, и Россія не знаетъ ни одного поколѣнія учащихся, которое не прошло бы черезъ суровую, безжалостную школу вѣчнаго недоѣденія.

Но особенно тяжела эта школа теперь, въ дни національнаго несчастья, когда война перевернула вверхъ дномъ старую устою жизни и когда рука дающаго стала замѣтно оскудѣвать.

Вы знаете, что пишутъ сотни молодыхъ русскихъ дѣвушекъ пріѣхавшихъ въ далекую столицу учиться.

Но развѣ это не похоже на древнія катакомбы, куда загоняла людей идея, и развѣ эти исхудалыя лица съ голодными, круглыми глазами меньше говорятъ нашей душѣ, чѣмъ тѣ далекія, давно ушедшія отъ насъ тѣни?

И замѣтите: эти дѣвушки, которыя „всегда голодны“ и которыя бѣлый хлѣбъ покупаютъ „только по праздни-

камень*, должны еще два раза въ годъ дѣлать чудеса:

— Должны платить за ученіе.

Я называю это „чудомъ“, потому что какъ же иначе прикажете это назвать?

Человѣкъ пробавляется чаемъ, человекъ снимаетъ отъ хозяевъ „уголъ“, а ему предлагаютъ изобрѣсти, выдумать, сочинить нѣсколько десятковъ рублей за право ученія.

— Или изобрѣсти, или твоя свѣчка въ катакомбахъ погаснетъ.

Всего ужаснѣе, однако, что эти чудеса и курсистки и студенты должны творить даже и въ нынѣшнее тяжкое время.

Многіе изъ учащихся оторваны отъ родины, многіе потянулись за университетами въ чужіе города, гдѣ нѣтъ ни жилья, ни хлѣба, ни заработка.

Но чудеса приходится творить и на новыхъ мѣстахъ.

Каждый годъ по два чуда.

Признаюсь, это требованіе, предъявляемое въ молодежи, кажется мнѣ до того суровымъ, что я отказываюсь его понимать.

Вы только подумайте: купецъ, биржевой заяцъ, сомнительный дѣлецъ и даже просто аферистъ пользуются правомъ мораторіума, потому что война разстроила ихъ дѣла.

Но студентъ, пріѣхавшій изъ Кіева въ Саратовъ и потерявшій не только заработокъ, но и надежду на него, никакими мораторіумами не пользуется.

— Почему? Чѣмъ студентъ хуже биржевого зайца?

И затѣмъ. Худо ли, хорошо ли, но все стараются придти на помощь бѣженцамъ. Стараются сохранить ихъ скотъ, убересть ихъ отъ голода, потому что этого требуетъ здравый смыслъ и простой расчетъ:

— Надо спасти для Россіи здоровыхъ работниковъ, чтобы не остались неза- сѣянными русскія поля и чтобы по дорогамъ не бродили толпы нищихъ.

Но развѣ студенческой вопросъ не требуетъ такого же бережнаго, такого же расчетливаго отношенія къ себѣ?

Вѣдь нынѣшніе студенты и курсистки, — это наслѣдники русской культуры, приемники тѣхъ духовныхъ богатствъ, которыя накопились вѣками и передавались изъ рода въ родъ.

Ихъ поколѣнію предстоитъ огромная, гигантская работа. Они будутъ залечивать наши раны, и имъ предстоитъ ростить тѣ культурные побѣги, которые посадили нами.

И вотъ люди, которымъ выпала на долю такая работа, едламливаютъ силы въ борьбѣ за кусокъ хлѣба и ни- щутъ о себѣ:

— Всегда голодаемъ.

Но развѣ это безразлично для страны и развѣ насущный живой интересъ Россіи не требуетъ, чтобы учащаяся молодежь была ограждена отъ жестокостей нашей безжалостной жизни?

Мнѣ кажется, что тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній, ибо если простой расчетъ повелительно говоритъ намъ, что телята беженцевъ должны быть сохранены, то тотъ же практический расчетъ говоритъ, что и свѣчи въ русскихъ катакомбахъ не должны погаснуть.

А для того, чтобы онѣ не гасли, надо сдѣлать очень немного:

— Надо просить, хлопотать, добиваться, чтобы въ нынѣшнемъ тяжкомъ году ни курсистки, ни студенты не творили обычнаго чуда.

Пусть хоть одинъ годъ дѣло обойдется совсѣмъ безъ чудесъ: Россію это не разорить, а учащихся спасетъ отъ отчаянія.

Къ вопросу о кооперативныхъ стремленіяхъ Томскаго студенчества.

Вопросъ объ экономическомъ благосостояніи студенчества, объ улучшеніи условій, при которыхъ приходится получать высшее образованіе, — вопросъ старый. Онъ выдвигнутъ былъ въ шестидесятыхъ годахъ нашими народниками, разрѣшавшими этотъ вопросъ идеалистически. Отправной точкой

служило положеніе — какъ должно быть поставлено высшее образованіе въ Россіи. Они говорили, что государство должно давать средства на высшее образованіе. Эта мысль нашла блестящихъ продолжателей въ лицѣ публициста Южакова, а въ поздѣйшее время въ лицѣ извѣстнаго русскаго финансиста профессора Озерова.

Если исходить изъ положенія, какъ должно быть поставлено высшее образованіе въ Россіи, — придется признать, что вопросъ разрѣшенъ совершенно правильно.

Но жизнь выдвигаетъ другое положеніе, — какъ можетъ быть поставлено дѣло высшаго образованія у насъ при современныхъ условіяхъ дѣйствительности.

Государство современное прежде всего не заинтересовано въ томъ, чтобы высшее образованіе сдѣлалось общедоступнымъ, кадры интеллигентныхъ гражданъ умножаясь представляютъ сильную оппозицію, а потому государство старается регулировать производство интеллигенціи въ полномъ смыслѣ этого слова, при чемъ это регулированіе всегда стремится къ преуменьшенію.

Достаточно взглянуть на постановку высшего образованія во Франціи, Германіи, Англіи. Даже тамъ при болѣе совершенныхъ условіяхъ государственности высшее образованіе — роскошь. Тамъ учатся въ университетахъ и институтахъ только имѣющіе для этого средства. Большая часть молодежи ограничивается обязательной низшей школой за счетъ государства и средней, посящей субсидіарный характеръ.

Причины такого отношенія лежатъ глубоко въ экономической подоплекѣ современнаго общества, въ классовой борьбѣ развивающагося капитализма. Классъ, стоящій у кормила государственнаго правленія, заинтересованъ въ сохраненіи своего престижа, заинтересованъ въ экономномъ распределеніи привилегій высшаго образованія.

Значить говорить въ современномъ обществѣ при существующихъ условіяхъ о постановкѣ высшаго образованія за счетъ государства не приходится.

Нужно отыскать другіе пути, другія возможности. До сихъ поръ отъ колыбели русскаго студенчества общество само помимо государства старалось прійти на помощь.

Принципъ благотворенія воплотился въ довольно постоянныя организаціи различныхъ обществъ вспомошествованія.

Такія общества, конечно, должны были и будутъ въ силу случайности и неопредѣленности своихъ доходовъ, придерживаться въ своихъ благотворительныхъ дѣйствіяхъ

узкихъ рамокъ; они не въ состояніи укрѣпить студенческую нужду. Это только палліативъ, но не средство. А студенческая нужда по изслѣдованіямъ студенческаго бюджета профессорами Бунге и Озеровъ принимаетъ угрожающіе размѣры. Анкеты, данныя говорятъ, что около 70% томскаго студенчества располагаютъ бюджетомъ меньше нормальнаго.

Есть еще одинъ видъ организаціи, представляющій смѣшанный типъ взаимопомощи съ благотвореніемъ общества. Землячества, получая деньги отъ общества, пускаютъ ихъ въ оборотъ, выражаясь по коммерчески, иными словами деньги даются безъ % и въ силу своего непривязаннаго юридическаго положенія 3-ими деньгами обратно или получаютъ очень туго или совсѣмъ не получаютъ. Взаимопомощь въ этихъ организаціяхъ выражается очень блѣдно — копѣчными взносами, уплачиваемыми къ тому же очень неаккуратно. Отсюда очень понятна то медленное разложеніе землячества, которое замѣчается въ послѣднее десятилѣтіе.

Идейное начало, когда-то спаивавшее землячества, отпало, а экономически они еще не успѣли перестроиться.

Жизнь сама выдвинула еще одинъ путь обезпеченія студенчества — путь образованія прочныхъ экономическихъ организацій, основанныхъ на принципѣ самопомощи и взаимопомощи.

Рядъ потребительныхъ и производительныхъ студенческихъ кооперативовъ, комисионныхъ бюро и др. возникающихъ въ разныхъ городахъ, указываетъ на то, что общеккооперативное движеніе отразилось на студенческой массѣ.

„Потребитель въ экономической области можетъ быть царемъ“, говоритъ Тотоміанецъ. Если отбросить половину этого утвержденія, относящуюся исключительно къ области красиваго словца, то прійдется все-таки признать, что потребительныя общества съ ихъ производительными отдѣленіями, будутъ однимъ изъ главныхъ средствъ перехода экономической власти изъ рукъ олигархіи капиталистовъ — производителей въ руки широкой массы потребителей.

Ростъ и увеличивающаяся быстро денежная сила такихъ организаций убѣждаютъ студенчество въ необходимости организовать въ такія экономическія организаціи.

Условія нашей общественной и государственной жизни, при которыхъ образование и регистрація обществъ стало дѣломъ затруднительнымъ, намѣчаетъ новый вопросъ, требующій неотложнаго отвѣта отъ защитниковъ и проповѣдниковъ студенческихъ организацій экономической независимости.

Въ какія организаціи и какими способами должна идти экономическая организованность молодежи высшихъ учебныхъ заведеній—вотъ вопросъ—затронутый до сихъ поръ слегка и требующій тщательной разработки. Прошлое студенческой массы обособило ее отъ другихъ группъ общества, и несмотря на то, что послѣдніе годы студенчество теряетъ свое бывшее содержаніе, въ глазахъ правящихъ круговъ учащаяся молодежь является все-таки элементомъ политически неблагонадежнымъ.

Для разрѣшенія вопроса, какъ пронырнуть между Сциллой и Харибдой правящаго подзвѣнія и жизненной неотложной необходимости, ключъ слѣдуетъ искать въ уже пройденномъ пути студенческаго кооперативнаго движенія и сообразно измѣнившимся условіямъ измѣнить пути настоящихъ достиженій.

Такимъ образомъ вопросъ о практическомъ осуществленіи экономической организованности распадается на двѣ части: въ какія формы должна отлиться экономическая организованность студенчества, и какими способами можно организовать?

На первую часть вопроса въ общемъ видѣ уже данъ отвѣтъ.

Студенчество благодаря общественной благотворительности создаетъ крѣпкія экономическія организаціи, положивъ затѣмъ въ основу принциповъ взаимопомощи и самопомощи. Такое начало извѣстно изъ практики общестуденческой ассоціаціи въ Парижѣ, изъ исторіи Гельсингфорскаго студенческаго дома и изъ тридцатипятилѣтняго существованія Юрьевскаго общества. Всѣ три организаціи не остались потребительными, всѣ три пустили производительные ростки въ

видѣ булочныхъ, прачечныхъ, книжныхъ издательствъ и т. д.

Однако извѣстенъ и другой путь созданія экономическихъ организацій студенчества, путь грошовыхъ начинаній. Лавки при петроградскомъ политехническомъ, при высшемъ техническомъ въ Москвѣ, комиссіонное бюро при харьковскомъ технологическомъ, техническая лавочка при томскомъ технологическомъ начинали съ нуля и дошли до десятковъ тысячъ рублей въ своихъ торговыхъ оборотахъ только благодаря своей экономической сплоченности.

Не лишнимъ будетъ упомянуть и о той студенческой организаціи, которой за послѣднее время удѣляется такъ много вниманія на страницахъ различныхъ газетъ. Это кооперативъ при московскомъ университетѣ. Онъ ровесникъ томскому проекту во времени возбужденія ходатайства передъ министерствомъ объ образованіи кооператива. Москвичи въ этомъ отношеніи оказались болѣе настойчивыми и приспособленными. Въ то время, когда москвичамъ дали разрѣшеніе на образованіе кооператива, томскому студенчеству былъ присланъ отказъ. Дѣла молодого кооператива пошли и идутъ хорошо. Въ настоящее время это одно изъ самыхъ большихъ и крѣпкихъ въ финансовомъ отношеніи потребительныхъ обществъ въ Москвѣ. Недавно промелькнуло извѣстіе, что названнымъ обществомъ предполагается постройка огромнаго студенческаго дома.

Будетъ ли построена экономическая организованность студенчества на почвѣ самостоятельныхъ взносовъ или на почвѣ пожертвованій общества, по существу безразлично. Дѣло только въ количествѣ денежныхъ средствъ для начала, а дальше все сдѣлается, трудомъ, сплоченностью и временемъ. Другая сторона—юридическая этого вопроса до сихъ поръ не получила своего окончательнаго разрѣшенія. Практика студенческихъ коопераций и ихъ подобій въ Россіи слишкомъ мала.

Россійское общество въ растерянномъ состояніи кое-какъ ликвидировало наслѣдія 905 года и опять стоитъ на распутьи передъ развѣтывающимися перспективами настоящей борьбы народовъ Европы. Ему не-

когда заниматься внутренними устройствами. Трудно, конечно, и студенчеству отыскать верные пути, трудно заняться разрешением вопроса о возможности регистрации потребительных обществ при настоящих условиях.

Однако посильный ответ можно найти в истории кооперативных стремлений российского студенчества, в подробном анализе тех средств, которые применялись до сих пор в хлопотах о разрешении основать то или иное общество. Ответ, конечно, не может быть исчерпывающим, но во всяком случае он будет небезполезным для той части студенчества, которая работает над созданием студенческого кооператива в Томске. Нынче работающей части студенчества следует искать ключа в ошибках, допущенных в прошлом.

Идея образования студенческого кооператива в Томске зародилась в среде представителей земличества. После долгих споров, после неоднократной выработки приблизительного устава, после довольно многочисленных статей на страницах местных газет мысль об образовании кооператива с особенной яркостью и силой заявила о своем появлении в студенческой массе. Собрание землических представителей в конце 1910 года должно было, учитывая настроение широких масс студенчества, посвятить несколько заседаний разработке этого вопроса.

Разсуждения общего характера и широкие размахи вначале сбились конкретными предложениями.

Выбрана была специальная комиссия из 7 человек, главной целью которой была выработка устава будущего студенческого кооператива. Комиссия на первых порах горячо взялась за дело. Намечен был ряд докладов: о текущем состоянии студенческой массы, о способах легализации и др. Выписаны были литературные материалы по кооперативным вопросам. Использован был приезд г. Поссе, которого пригласили сделать доклад о студенческих кооперативах в стенах университета, и содокладчиком которого выступил один из членов кооперативной комиссии.

Наконец, когда острота вопроса несколько сгладилась, и кой какие спорные вопросы были улажены, комиссия приступила к выработке устава. В качестве руководителей были приглашены профессора Соколовъ, Новомбергский и Боголюбовъ. Сухость работы и пожалуй их скучность при выработке отдельных параграфов устава уменьшили количество лиц комиссии до 3-х. Но так или иначе устав был выработан. Это был нормальный устав потребительского общества с некоторыми специфическими измѣненіями для студенческой массы. Решено было, что потребительский кооператив будет смешанным, т. е. что в него войдут и студенты-технологи и универсалы и слушательницы высших женских курсов. Одновременно с разработкой устава устроен был вечер в пользу будущего кооператива, давший болѣе тысячи рублей чистого дохода. Деньги с вечера были переданы губернатору. и до сих пор сохраняются в государственном казначействѣ, числясь в депозитѣ несуществующаго студенческого потребительского общества.

Весной 1911 года устав был готов совершенно, подписан некоторыми профессорами и лаборантами и студентами, как технологического института, так и университета и послан в министерство народного просвѣщенія.

Прошло долгих полгода. Отзыв покойного попечителя и суровое отношеніе къ студенчеству покойного министра Кассо сдѣлали свое дѣло. Въ легализации кооператива отказали, мотивируя отказ недопустимостью смешанных студенческих организаций.

Несмотря на неудачу мысль о своей кооперативной лавкѣ не покидала студенчества. Въ теченіе 4-х лѣтъ при самых тяжелых условиях, студенчество продолжало вынашивать идею самопомощи.

Полтора мѣсяца тому назад университетской администраціи было подано прошеніе об образованіи студенческаго потребительскаго общества съ приложеннымъ къ нему проектомъ устава и уставами другихъ подобныхъ обществъ. Проектъ устава под-

писанъ студентами технологами и университетами.

Предполагая возможность образования смѣшаннаго студенческаго кооператива, авторы ссылаются на дороговизну и на исключительно тяжелое экономическое положеніе въ современныхъ условіяхъ.

Къ сожалѣнію начинающееся кооперативное движеніе среди російскаго студенчества до сихъ поръ еще не нашло своего историка, и нѣтъ возможности изучать разбросанный матеріалъ по этому вопросу. Вышедшіе недавно отчеты Новочеркасскаго потребительскаго общества и потребительскаго общества при Московскомъ сельско хозяйственномъ институтѣ представляютъ громаднѣйшій интересъ. Путемъ корреспонденціи можно достать матеріалъ, относящійся къ исто-ринъ возникновенія студенческихъ кооперативовъ и въ другихъ городахъ.

Министерство требуетъ раздѣльности студенчества. Это создаетъ и создастъ много затрудненій, но и при такихъ условіяхъ существованіе кооператива возможно.

У кооперативовъ есть свойство, котораго нѣтъ у другихъ коммерческихъ предприятий,—это свойство координаціи своихъ дѣйствій. И надо думать, что университетскій, институтскій и курсовой кооперативы

смогутъ согласовать свои коммерческія дѣйствія, не говоря уже о томъ, что они смогутъ путемъ товарныхъ и денежныхъ займовъ поддерживать экономически другъ друга.

Техническія неудобства разобщенности будутъ вредны только на первыхъ порахъ, пока эти три самостоятельныя организаціи не встанутъ на твердую почву. Вместе съ экономической крѣпостью неудобства раздѣльности организацій исчезнутъ.

Этимъ путемъ и нужно идти томскому студенчеству, тѣмъ болѣе, что передъ нимъ яркій примѣръ студенчества московскаго университета, подтверждающаго правильность предлагаемаго пути.

Чеглацовъ.

Отъ редакціи. Въ вопросѣ о путяхъ проведенія въ жизнь идеи студенческаго кооператива редакція не можетъ согласиться съ авторомъ, считая, что принципомъ объединенія всего студенчества не слѣдуетъ жертвовать во имя временныхъ практическихъ соображеній. Нарождающійся петроградскій кооперативъ, объединяющій универс., В. Ж. К. и Горн. Институтъ, показыва-етъ, что есть надежда обойтись и безъ компромисса.

О СТУДЕНЧЕСКИХЪ ЭКСКУРСІЯХЪ.

Въ прошломъ академич. году Правленіе Сибирскаго кружка, учитывая назрѣвшую потребность къ изученію Сибири въ средѣ Томскаго студенчества, а также сознавая необходимость объединенія въ цѣляхъ научнаго систематизированнаго обследованія родины, рѣшило поднять вопросъ объ учрежденіи экскурсіонной комиссіи при Обществѣ Изученія Сибири въ Томскѣ съ цѣлью устройства научно-обозрѣвательныхъ экскурсій по Сибири учащихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Этому вопросу было посвящено нѣсколько собраній, въ результатъ которыхъ явился проектъ устава экскурс. комиссіи, представленный затѣмъ черезъ руководителя кружка проф. С. И. Солнцева въ Совѣтъ Об-ва Изуч. Сиб.

Уставъ конструировалъ главнымъ образомъ два фактора въ жизни будущей организаціи, подготовительныя занятія по секціямъ и лѣтнія экскурсіи. Всякій, кто пожелалъ бы принять, участіе въ послѣднихъ, долженъ посвятить нѣкоторое время ознакомленію, какъ съ приемами обследованія избранныхъ имъ предметовъ изученія, такъ и вообще съ самимъ предметомъ въ специально для того организуемыхъ секціяхъ подъ руководствомъ специалистовъ при экскурсіонной комиссіи.

Число и характеръ этихъ секцій, а также и контингентъ будущихъ экскурсантовъ могли быть выяснены по мнѣнію инициаторовъ, путемъ распространенія соотвѣтствующей анкеты среди Томскаго студен-

чества. Въ связи съ секціонными занятіями, лѣтними экскурсіями, постановкой ихъ и пр. экскурсионная коммисія подраздѣляется 1) на исполнительный комитетъ, которому принадлежитъ административно-хозяйственная сфера дѣйствій при отправленіи экскурсій съ мѣста, какъ то сношеніе съ желѣз.—дор. администраціей, взиманіе экскурсіон. взносов, выдача справокъ, приемъ и зачисленіе въ экскурсію и пр.; 2) районные комитеты—существуютъ только лѣтомъ и на мѣстахъ въ Сибири, содѣйствуютъ лѣтнимъ работамъ экскурсантовъ, вѣдаютъ общимъ ходомъ экскурсионнаго дѣла, снаряжаютъ обратныя экскурсіи въ Томскъ; 3) издательскій комитетъ. Существуетъ въ г. Томскѣ, обрабатываетъ и издаетъ экскурс. матеріалъ, составляетъ гербаріи, коллекціи, открываетъ выставки работъ, снабжаетъ сибирскіе музеи обработаннымъ матеріаломъ, издаетъ сборники, періодическія изд. и пр.

Совѣтъ О-ва, ознакомившись съ представленнымъ уставомъ призналъ безусловную желательность учрежденія экскурсионной коммисіи и далъ свое принципиальное согласіе на внесеніе поднятаго Сибирскимъ кружкомъ вопроса на общее собраніе общества Изуч. Сибири.

Однако окончательное разрѣшеніе этого вопроса состоялось лишь въ октябрѣ мѣсяцѣ н. г., когда Совѣтъ Об-ва Изученія Сибири отвѣтилъ кружку что, признавая, что тѣ широкія перспективы, которыя вложены въ основу представленнаго устава на первыхъ шагахъ не могутъ быть осуществлены, онъ проситъ сократить уставъ, выражая его въ болѣе общихъ формахъ. Касаясь же легализаціи, экскурс. ком. Совѣтъ Об-ва добавляетъ, что имъ выработаны общія положенія о комитетахъ, нодъ каковыя, по мнѣнію совѣта, могла бы вполне подойти и экскурсионная коммисія по проекту Сиб. кружка.

Общее собраніе Сиб. кружка 28-го ноября с. г., заслушавъ докладъ на тему объ экскурсионномъ комитетѣ при Обществѣ Изученія Сибири постановило, въ результатѣ оживленнаго обмѣна мнѣній, признать необходимымъ учрежденіе экскурсионнаго комитета, а съ цѣлью его скорѣйшаго осу-

ществленія учредить совмѣстную коммисію, состоящую изъ 4-хъ членовъ Сибирскаго кружка, представителей общества Изуч. Сибири, научныхъ студенческихъ кружковъ и землечествъ.

Такова историческая сторона скитанія этой безусловно крупной общественной идеи по журналамъ совѣтовъ и правленій...

Нужно сказать, что идея эта не новая, что О-во Изуч. Сиб. въ Петроградѣ съ 1909 г., рѣшило организовать лѣтнія экскурсіи въ Сибирь для студентовъ и курсистокъ Петрограда съ цѣлью собранія всесторонняго матеріала къ обелѣдованію ея нуждъ и особенностей. Въ результатѣ 3-хъ такихъ экскурсій къ 1911 г. накопилось такъ много разнообразнаго и интереснаго экскурсионнаго матеріала, что О-во Изуч. Сиб. въ февралѣ 1912 г. устроило выставку работъ экскурсантовъ въ конференцъ—залѣ Акад. Наукъ. Матеріалъ, привезенный только одной экскурсіей 1911 г. по перечисленію одного изъ экскурсантовъ (въ Сиб. Вопр. 1911 г.) представляется слѣдующимъ: 1) 41 раб. по этнографіи и археологіи, 2) 95 раб. по зоологіи, 3) 99 раб. по общей ботаникѣ, 4) 44 раб. по прикладной ботаникѣ, 5) 23 раб. по минералогіи, 6) 7 раб. по палеонтологіи, 7) 70 раб. по статистикѣ и обществовѣдѣнію, всего въ количествѣ 379 работъ. И особенно цѣнными были нѣкоторыя изъ нихъ, напр. труды: г-жи Заболоцкой, написавшей и записавшей 70 якутскихъ загадокъ, съ дословнымъ переводомъ къ нимъ, чрезвычайно художественная работа *Исцѣленова*—снимки старыхъ церквей г. Иркутска и церковной утвари, а коллекціи по энтомологіи Горчаковского—2611 раб., Кириллова, Матусевича 993 экземпляра и друг. составляютъ теперь значит. часть Зоологическаго музея Акад. Наукъ. *) Выставка, устроенная Общ. Изуч. Сиб., заинтересовала ученыхъ міръ специалистовъ и подняла высоко авторитетъ серьезнаго студенческаго начинанія. Общ. Изуч. Сиб., читали мы въ отчетѣ экскурс. ком.,—находя дорогимъ и особенно цѣннымъ выступленіе Сибирск.

*) Сибирскіе вопросы 1911 г.

учащагося юношества на общественное служеніе, его самостоятельность и самодѣтельность — рѣшило реформировать экскурсионное дѣло на прочныхъ началахъ. Съ этой цѣлью, а также въ цѣляхъ „регулированія и направленія дѣятельности экскурсантовъ“ она учредила экскурсионную комиссію, въ составъ коей вошли многіе спеціалисты по разн. отраслямъ знанія. И съ 1912 г. Сибирскіе студ-ты въ Петроградѣ объединились въ одинъ общій органъ — экск. комиссію. Съ дальнѣйшими экскурсіями экскурсионный матеріалъ становился все больше и больше и на чердакѣ Акад. Наукъ не хватало мѣстъ для однихъ только коллекцій.

Среди массы матеріала, конечно, не мало было бессистемныхъ и почти не годныхъ работъ и спеціалисты — члены Акад. наукъ и само Общ. Изуч. Сиб. признавало причину бессистемности этихъ работъ въ томъ, что у экскурсантовъ не было достаточной подготовленности для научнаго обследованія края. Отсюда возникла необходимость учрежденія предварительн. занят. по секціямъ.

Въ 1913—14 гг. Общ. Изуч. Сиб. приступаетъ къ второму крупному преобразованію экскурсионнаго дѣла. Заручившись согласіемъ такихъ крупн. силъ какъ проф. А. А. Кауфмана, этнографа Макаренко, Радлова, Миллера, Спицына, Туганъ — Барановскаго — Общ. Изуч. Сиб., обратилось съ опросными листами къ Сиб. студ-ву въ Петрогр., выясняющими во 1-хъ наличность будущихъ работниковъ, во 2-хъ число и характеръ желательныхъ секцій.

Молодежь живо со свойственнымъ ей воодушевленіемъ откликнулась на призывъ О-ва, и въ 1-й половинѣ 1914 г. двери одного изъ отдѣловъ Акад. Наукъ широко открылись для ежеведѣльныхъ занятій по секціямъ. Въ самомъ началѣ уже органи-зуются секціи: общественно-экономическая, ботаническая, кооперативная, музейная по этнографіи и археологіи и въ одной только общ.—экономической секціи насчитывалось около 180 членовъ, въ кооперативной

же 120. Представители секцій вошли въ экскур. ком., землячества послали своихъ представит., Общ. Изуч. Сиб. — своихъ и экскурсионная комиссія начала существовать на новыхъ началахъ. Много недоразумѣній, споровъ и шуму было при постановкѣ экскурси, гдѣ мнѣ, особенно памятни эти непріятныя стороны, но я съ болью въ сердцѣ долженъ ихъ отмѣтить. По моему глубокому убѣжденію большинство этихъ недоразумѣній возникало на почвѣ недоговоренныхъ пунктовъ устава, касающ. взаимоотношеній секцій и экск. ком. Въ маѣ мѣс. отпавились съ Николаевск. вокз., сначала 1-ая, 2-ая, затѣмъ 3 и 4 экскурсіи, по пути присоединились сибиряки москвичи, которые всегда добросовѣстно работали на экскур. поприщѣ.

Дальнѣйшее направленіе всей этой работы по понятнымъ причинамъ кажется затихло, ибо въ іюлѣ была объявлена война, но все же обратныя экскурсіи состоялись. Могу только сказать, что когда я въ январѣ 1915 г. посѣтилъ Петроградъ, я встрѣтилъ тамъ сибиряковъ, мобилизованныхъ вокругъ большого общественнаго дѣла и это не была какая нибудь посильная работа — хожденія по порученіямъ и проч. представители Сиб. общественности, составляющіе ядро Сибирской колоніи въ Петроградѣ, привыкли иначе дѣлиться своей общественной работой съ сибирской молодежью, чѣмъ гдѣ-либо здѣсь, въ самой Сибири. Въ ихъ работѣ была большая доля самостоятельности и самодѣтельности. Весь Петроградъ, съ его громаднымъ количествомъ лазаретовъ и госпиталей былъ разбитъ на районы, въ которыхъ сибиряки-студенты неустанно работали по обследованію положенія раненыхъ, снабжали ихъ одеждой, обувью, выдавали справки и подолгу бѣсѣдовали со своими земляками. Мнѣ особенно памятенъ рассказъ одного изъ товарищей о томъ какъ, они настояли въ Сиб. О-вѣ подачи помощи раненымъ по выдачѣ теплыхъ шапокъ для раненыхъ сибиряковъ въ которой О-во вначалѣ отказывало. Нужно вообще сказать, что столичные представители Сиб. общественности съ большей чуткостью и вниманіемъ старались подхо-

дять къ учащ. Сиб. молодежи. Созданіе экскурс. ком., Сиб. клуба, устройство еже-недѣльн. лекцій по кооперации Туганъ-Барановскаго, Пекарскаго и др. для студентовъ—сибиряк. въ Солянѣ городкѣ, участіе студентовъ на банкетахъ—все это говорить за отзывчивое отношеніе, за близость Сибирск. О-ва въ Петроградѣ къ Сиб. учащ. молодежи.

Въ заключеніе, хотѣлось бы выразить пожеланіе, чтобы и Томское Общество Изученія Сибири, обсуждая вопросъ объ экскурсіяхъ, какъ о новой формѣ организованнаго изслѣдованія родины, отнеслось бы къ нему съ тѣмъ вниманіемъ, какое удѣлило ему Петроградское Общество Изученія Сибири.

Б. Монастырскій.

Въ кружкѣ помощи жертвамъ войны.

7 сентября 1914 года утвержденъ уставъ Кружка студентовъ Томскаго Университета по оказанію помощи жертвамъ войны и вскорѣ Кружокъ началъ свою дѣятельность, выдѣливъ изъ своей среды для руководства дѣлами Комитетъ, состоящій изъ представителей отъ курсовъ, вначалѣ по два человека отъ каждаго курса, теперь нѣсколько болѣе. Для лучшаго разрѣшенія поставленныхъ задачъ Комитетъ разбился на пять секцій:

- 1) по изысканію средствъ и по сношеніямъ съ другими организаціями;
- 2) по обследованію матеріальнаго положенія семей запасныхъ и равенныхъ;
- 3) педагогическая,
- 4) юридическая,
- 5) меициская.

Кромѣ указанныхъ, на собраніи 4 октября настоящаго академическаго года организована еще одна секція: по оказанію помощи бѣженцамъ.

Въ перечисленныхъ секціяхъ и сосредоточена вся работа Кружка. Въ текущемъ году первой изъ этихъ секцій былъ поставленъ благотворительный сеансъ въ кинематографѣ „Новомъ“, давшій чистаго дохода 258 руб. 63 коп., производились сборы среди членовъ и велись постоянныя сношенія съ другими организаціями, обслуживающими нужды солдатскихъ семей. Вторая секція продолжала работы по обследованію матеріальнаго состоянія этихъ семей и выдачу имъ денежныхъ пособій, размѣръ которыхъ теперь пришлось увеличить вслѣдствіе дорожанія жизни, съ расчетомъ, чтобы на каждаго члена семьи

приходилось 5 рублей, вмѣсто 3 рублей, какъ было принято въ прошломъ году, изъ заработка и пособій различныхъ благотворительныхъ учреждений.

Третья секція—педагогическая, какъ и прежде, организуетъ дежурства въ очагахъ для обученія дѣтей школьнаго и для руководства играми дѣтей дошкольнаго возраста. Работа эта выполняется въ рядѣ очаговъ, находящихся въ вѣдѣніи различныхъ общественныхъ организацій.

Четвертая секція принимаетъ участіе въ учрежденіяхъ Городской Управы по оказанію юридической помощи. Дѣятельность пятой пока главнымъ образомъ вылилась въ работѣ по привитію оспы солдатскимъ дѣтямъ и въ извѣщеніи врачей объ обнаруженныхъ случаяхъ серьезныхъ заболѣваній.

Шестая секція, недавно организованная, пока успѣла лишь послать своихъ представителей въ другія организаціи, имѣющія задачи оказаніе помощи бѣженцамъ.

Кромѣ перечисленнаго, Комитетомъ организуются дежурства въ почтовой конторѣ въ помощь женамъ и родственникамъ солдатъ, отправляющимъ письма и посылки въ дѣйствующую армію или находящимся въ плѣну.

О денежныхъ средствахъ, которыми располагаетъ Кружокъ, можно составить представленіе по отчету за весенній семестръ прошлаго академическаго года, который даетъ слѣдующія цифры:

Приходъ.

- 1) Членскія взносы . . . 327 р. 43 к.
- 2) Прибыль отъ благотвори-
тельныхъ сеансовъ ки-

немаатографа и кружечного сбора	1885 р. 85 к.
3) Отъ продажи брошюр проф. Лобанова и Люсифова	128 р. 30 к.
4) 25% чистаго дохода отъ Сибирскаго вечера . . .	101 р. 15 к.
5) Пожертвованій	227 р. 20 к.
6) %%% по сберег. кассѣ	1 р. 2 к.

Итого 2670 р. 95 к.

Приходъ за 1914 г. . . 1104 р. 18 к.

Всего 3775 р. 13 к.

Расходъ.

1) по содержанію стипендіатовъ	72 р.
2) по содержанію семей за-пасныхъ	729 р. 50 к.
3) почтовые и канцелярскіе расходы	11 р. 69 к.

Итого 813 р. 19 к.

Расходъ за 1914 г. . . 893 р. 41 к.

Всего 1706 р. 60 к.

Наличность къ 1915—16 г. 2068 р. 53 к.

Б. М.

ЗАГЛОХНІЙ КРУЖОКЪ.

Вотъ прошелъ уже первый семестръ, т. е. половина учебн. года, а экономическій кружокъ при юридич. факультетахъ не проявляетъ никакихъ признаковъ жизни. Въ прошломъ году этотъ кружокъ еще кое-какъ влачилъ свое существованіе—въ немъ имѣлось правленіе, спикеръ членовъ, а въ теченіе года были устроены даже два-три доклада.

Конечно, это маловато для такого интереснаго начинанія, но все жъ можно было почти не краснѣя сказать, что „у насъ существуетъ экономическій кружокъ“.

Нынче, къ сожалѣнію, и этого сказать не приходится—кружокъ заглохъ.

Между прочимъ, въ концѣ октября тек. года (31 го—150 лѣтній юбилей Вольно-Экономическаго Общества) пред-ставлялся и удобный вышній поводъ устроить общее собраніе кружка, которое можетъ быть, послужило бы толчкомъ къ возобновленію его дѣятельности. Въ сущности кружокъ долженъ былъ бы начать свою дѣятельность внѣ зависимости отъ какихъ-нибудь вышнихъ поводовъ, но разъ этого не случилось, разъ внутренней силы въ организаціи оказалось мало,—въ такихъ случаяхъ руководителямъ этой организаціи нельзя упускать возможности путемъ вышняго толчка внести въ дѣло животворящую струю.

— Нормально ли, что въ экономическомъ студенческомъ кружкѣ мало внутренней силы?..

Едва-ли кто станетъ спорить, что экономич. вопросы всегда, а тѣмъ бо-

лѣе въ настоящее время, являлись одними изъ самыхъ животрепещущихъ. Въ 90-ые годы, а изъ ближайшаго прошлаго—въ 1904—6 годахъ, студенческие эконом. кружки жили самой интенсивной жизнью. Можно, пожалуй, сказать даже, что въ нихъ главн. образомъ формулировались тѣ лозунги, тѣ убѣждения и девизы, съ которыми студенчество выходило на арену общественной жизни для борьбы за свѣтлые идеалы...

Къ сожалѣнію, теперь, видимо „не тѣ времена“.

Или студенчество—не то?.. Не хочется согласится съ этимъ. Гдѣ-то въ глубинѣ души таится надежда, что настоящее положеніе вещей временное, переходное, что студенчество найдетъ въ себѣ достаточно силъ выйти изъ инертнаго состоянія и вдохнуть жизнь во всѣ свои организаціи!

Въ частности, для оживленія экономическаго кружка, мнѣ кажется, слѣдовало-бы руководителямъ его взять новое направленіе. До сихъ поръ жизнь кружка выражалась только въ докладахъ, причемъ темы докладовъ выбирались безо всякой системы („Судьбы капитализма въ Россіи“, „О студенч. кооперативѣ“, „О крестьянской реформѣ на Кавказѣ“) ипоэтому общее впечатлѣніе отъ дѣятельности кружка въ теченіе года получалось какое то неопредѣленное и. во всякомъ случаѣ, не удовлетворяющее никого..

Экономические вопросы только потому и являются животрепещущими, что они тѣсно связаны съ самыми насущными

жизненными интересами Съ этой стороны и слѣдовало подойти къ нимъ въ экономическомъ кружкѣ. Между прочимъ, и опытъ прошлогодней дѣятельности кружка показалъ необходимость, именно, такой постановки дѣла—изъ всѣхъ прочитанныхъ докладовъ наибольшій интересъ возбудилъ докладъ о студенческомъ кооперативѣ, т. е. посвященной хотя и частному экономич. вопросу, но зато имѣющему большое жизненное значеніе для студенчества.

Можно намѣтить длинный рядъ такихъ экономическихъ вопросовъ, общихъ, чисто сибирскихъ, наконецъ—студенческихъ, которые выдвинуты самой жизнью и требуютъ того или иного разрѣшенія. Не касаясь сейчасъ деталей новой организациі кружка, попытаюсь, однако, дать нѣсколько общихъ руководящихъ указаній на этотъ счетъ.

Прежде всего:—не слѣдуетъ ограничивать дѣятельность кружка только однимъ дѣломъ—зачитываніемъ докладовъ на случайно—выбранныя темы.

Выходя изъ создавшагося положенія я вижу въ томъ, чтобы расширить сферу дѣятельности кружка—прежде всего—организацией собесѣдованій по опредѣленному плану и по наиболѣе животрепещущимъ экономическимъ вопросамъ, о которыхъ я говорилъ выше. Кооперация, вообще, въ частности—сибирская, экономическія взаимоотношенія Сибири и Европейской Россіи, вопросы, связанные съ войной, наконецъ, давняя коллизія между экономическими ученіями марксистовъ и народниковъ—все это дастъ много матеріала для собесѣдованій. Техника организациі собесѣдованій представляется мнѣ приблизительно въ такомъ видѣ: путемъ анкеты среди членовъ кружка или на общемъ собраніи, специально созванномъ для этого, намѣчается извѣстный общій планъ будущихъ собесѣдованій; разработка же деталей каждаго отдѣльнаго собесѣдованія будетъ лежать на обязанности правленія...

Конечно, безъ докладчика не обойдешься и здѣсь, но тутъ вся роль докладчика сведется только къ тому, чтобы указать собравшимся кратко и ясно тему даннаго собесѣдованія, что, надѣюсь, съ успѣхомъ можетъ сдѣлать любой изъ членовъ кружка, хоть немного интересующійся затронутымъ вопросомъ.

Выидетъ ли что-нибудь изъ проектируемаго мной начинанія трудно сейчасъ

сказать. Насколько мнѣ извѣстно, устройство собесѣдованій не практикуется въ нашихъ студенческихъ кружкахъ и потому, къ сожалѣнію, я не могу обосновать своего предложенія фактическими данными. Но позволю себѣ быть немного оптимистомъ.—право, не хочется думать, что современное студенчество до такой степени инертно, что не можетъ вне-ти животворящую струю въ свои организациі тѣмъ или инымъ способомъ...

Для экономич. кружка есть еще другой способъ, кромѣ устройства собесѣдованій, оживить свою дѣятельность. Это—организация самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій экономическихъ вопросовъ окружающей жизни.

Сюда должно отнести прежде всего—статистико-экономическія изслѣдованія жизни томскаго студенчества.

Можно привлечь къ этому дѣлу другіе научные студенческіе кружки и землячества. Въ настоящее время наиболѣе нуждаются въ безпристрастномъ освѣщеніи вопросы, связанные съ войной; поэтому предметъ статистич. изслѣдованія экономическому кружку долго искать не придется. Большое полезное дѣло будетъ сдѣлано, если выяснено будетъ достаточно подробно—въ какой степени неблагоприятно отозвалась война на матеріальномъ положеніи студенчества. Между прочимъ, этотъ вопросъ въ настоящій моментъ, когда въ печати появились статьи о необходимости сокращенія и даже полной отмены на текъ учеб. годъ платы за право ученія,—имѣетъ важное практическое значеніе. Да и многіе другіе вопросы въ экономич. жизни студенчества ждутъ давно своихъ изслѣдователей. . Откуда возьмутся эти изслѣдователи, какъ не изъ среды самого же студенчества?..

Если первый опытъ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія экономич. кружкомъ окажется удачнымъ, то можно попытаться организовать дѣло въ болѣе широкомъ масштабѣ, расширивъ сферу изслѣдованія за предѣлы студенч. жизни.

Сибирь, вообще, ощущаетъ большую нужду въ научныхъ работникахъ. Студенчеству объ этомъ нельзя никогда забывать. . Нужно помнить объ этомъ всегда, и работать, работать, работать!

М. Петровичъ.

ВЪ СИБИРСКОМЪ КРУЖКЪ.

Въ текущемъ академическомъ году изъ студенческихъ научныхъ кружковъ университета наибольшую жизнедѣтельность проявилъ Сибирскій Кружокъ, давшій четыре доклада въ теченіи осенняго семестра. Первое его собраніе (23 октября) было посвящено двумъ докладамъ. Студентомъ Мальцевымъ былъ прочтенъ докладъ на тему: „Г. Н. Потанинъ и Сибирскій Кружокъ“, вызванный незадолго передъ тѣмъ отпразднованнымъ юбилеемъ маститаго патріарха сибирской общественной мысли.*) На томъ же собраніи студ. Тихомировымъ прочтенъ докладъ, озаглавленный: „Экономическое развитіе Сибири и вопросъ объ эвакуаціи промышленныхъ предпріятій“, въ которомъ авторъ трактуетъ вопросъ о возможномъ перемѣщеніи фабрикъ и заводовъ изъ занятыхъ непріателемъ областей въ Сибирь съ точки зрѣнія интересовъ ея экономическаго развитія. Констатируя, что Сибирь—страна по преимуществу земледѣльческая, со слабо развитой фабрично-заводской промышленностью и горнымъ дѣломъ, развиваясь тѣми путями, какими шла до сихъ поръ, неминуемо должна прійти къ тяжелому затычному кризису вслѣдствіе количественнаго, а не качественного развитія ея производительныхъ силъ.

Разрѣшеніе таможеннаго вопроса и даже развитіе путей сообщенія не въ состояніи разрѣшить возникающихъ отсюда противорѣчій. Переходъ ея къ высшимъ ступенямъ промышленнаго развитія обусловливается уплотненіемъ населенія и освобожденіемъ рабочаго отъ средствъ существованія и орудій производства, долгамъ и тяжелымъ переходнымъ періодамъ. Благопріятное же разрѣшеніе вопроса объ эвакуаціи въ нее промышленныхъ предпріятій изъ западныхъ губерній Россіи при условіи областной автономіи можетъ обѣщать ей быстрый переходъ къ болѣе совершенной формѣ хозяйства, обезпечивающей большую долю господства надъ природой—развитіе индустріи; поэтому докладчикъ считаетъ этотъ во-

просъ въ настоящее время первымъ по важности среди такъ называемыхъ „сибирскихъ вопросовъ“ и полагаетъ, что это налагаетъ на сибирскую интеллигенцію задачу послѣдно содѣйствовать его разрѣшенію.

Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній.

Второе общее собраніе Кружка (21 ноября) было посвящено докладу студ. Чеглепова на тему: „Къ вопросу о кооперативныхъ стремленіяхъ томскаго студенчества“. Докладчикъ, признавая необходимымъ и своевременнымъ переходъ дѣла матеріальной помощи учащейся молодежи отъ принципа благотворительности къ принципу взаимопомощи и самопомощи, призываетъ томское студенчество, считаясь съ затрудненіями со стороны администраціи къ организаціи совместнаго для всѣхъ учащихся высшихъ учебныхъ заведеній Томска кооператива, приступить къ созданію самостоятельныхъ кооперативовъ при отдѣльныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которые могли бы, состоя въ постоянной связи и поддерживая другъ друга, создать почву для будущаго ихъ сліянія въ одно большое дѣло, объединяющее всѣхъ томскихъ студентовъ.

Основные положенія докладчика не встрѣтили возраженія со стороны выступавшихъ оппонентовъ, которые останавливались лишь на деталяхъ прочитаннаго доклада.

На третьемъ собраніи, отъ 28 ноября, студ. Монастырскій прочелъ докладъ: „Экскурсионный комитетъ при обществѣ изученія Сибири и улучшенія ея быта и идея родиноуѣднѣнія среди студентовъ—сибиряковъ“. Прослѣдивъ развитіе идеи родиноуѣднѣнія среди студентовъ—сибиряковъ столичныхъ университетовъ съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія до послѣдняго времени, докладчикъ очертилъ тѣ формы, въ которыя вылилась эта идея. Завершеніемъ ея является созданіе лѣтнихъ экскурсій учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицъ на родину для собиранія различныхъ матеріаловъ въ цѣляхъ всеобщаго ея изученія. Доклад-

*) Докладъ этотъ былъ напечатанъ впоследствии въ „Юбилейномъ номерѣ“ Сибирскаго Студента.

чикъ призываетъ и томскихъ студентовъ принять участіе въ этомъ большомъ, нужномъ для Сибири, дѣлѣ.

Сибирекому Кружку, который уже въ прошломъ году взялъ на себя инициативу созданія экскурсіоннаго дѣла въ Томскѣ, необходимо довести начатое до конца. Со стороны мѣтнаго Отдѣла общества изуч. Сиб. нѣтъ къ этому препятствій, оно еогласно выдѣляетъ Экскурсіонный Комитетъ, который могъ бы служить органомъ, объединяющимъ всѣхъ учащихся высшихъ учебныхъ заведеній г. Томска, желающихъ принять участіе въ дѣлѣ изученія Сибири.

Многочисленные оппоненты, соглашаясь съ желательностью организаціи Экскурсіоннаго Комитета, выражали опасеніе, что среди томскихъ студентовъ мало найдется желающихъ въ немъ работать, такъ какъ среди нихъ еще не созрѣла мысль о насущной необходимости подобнаго учрежденія, нѣтъ также и нѣкоторыхъ другихъ условий, могущихъ содѣйствовать его развитію, нѣтъ достаточно сильныхъ стимуловъ для объединенія вокругъ экскурсіоннаго дѣла. Поэтому собраніе рѣшило передать вопросъ въ комиссію, которая бы обсудила его совместно съ представителями другихъ студенческихъ организацій и отъ общества изученія Сибири.

Несмотря на такую съ перваго взгляда оживленную дѣятельность, на собраніяхъ, посвященныхъ заслушанію перечисленныхъ докладовъ, обнаружилось, что дѣла Кружка не блестящи. Хотя задачи его и безусловно заслуживаютъ серьезнаго вниманія сту-

дентовъ—сибиряковъ, и Кружокъ пользуется извѣстной популярностью въ ихъ средѣ, тѣмъ не менѣе вниманіе это проявляется часто лишь въ томъ, что къ правленію его предъявляются большія требованія, а когда правленіе предлагало членамъ его какую-либо работу, на его призывъ никто не откликнулся. Такъ именно обстояло дѣло съ неоднократными попытками создать работу въ секціяхъ. Всѣ попытки правленія шире развернуть дѣятельность Кружка разбивались объ инертность и индифферентность членовъ. Правда, это удѣлъ не одного сибирскаго Кружка—то же мы можемъ наблюдать едва ли не въ большинствѣ томскихъ научныхъ организацій (стоитъ указать на рядъ несостоявшихся собраній такихъ организацій; какъ примѣръ можно отмѣтить несостоявшіяся собранія 21 ноября юридическаго общества и 29 ноября отдѣла московскаго сельскохозяйственнаго общества), но объ этомъ, конечно, приходится только жалѣть. Жалѣть приходится о тѣхъ товарищахъ, которые, проводя студенческіе годы за зубрежкой учебниковъ попеременно съ развлеченіями на вечеринкахъ и въ опереткѣ, не отмѣчаютъ ихъ непосредственнымъ участіемъ въ общемъ дѣлѣ самостоятельной научной работы и живомъ духовномъ общеніи. Простое заучиваніе отвѣтовъ на непрочувствованные и непродуманные вопросы общественной жизни, и тѣмъ болѣе на узкоспеціальные вопросы техники и медицины не замѣняютъ, конечно, того, что могло бы имъ дать духовное общеніе съ товарищами на почвѣ научныхъ и общественныхъ вопросовъ.

В. Миротъ.

СТРАХОВОЕ АГЕНТСТВО.

19-го сентября с. г. открылось и началось функционировать, созданное по инициативѣ группы студентовъ, Страховое Агентство при О-вѣ Вспомоществованія учащимся высшихъ учебныхъ заведеній г. Томска.

Малая освѣдомленность широкихъ круговъ студенчества побудила меня, близко стоящаго къ этому дѣлу, дать по этому вопросу нѣкоторыя краткія поясненія свѣдѣнія. Ноги

Матеріальная необеспеченность большинства студенчества давно обращаетъ вниманіе О-ва, и ежегодно, съ цѣлью помочь хотя бы незначительной части этого большинства, устраиваются вечера, концерты и т. д. Еще въ прошломъ году московскіе студенты рѣшили отказаться отъ расчета на общественную благотворительность и создали Студенческое Страховое Бюро для оказанія по-

мощи нуждающимся студентамъ путемъ при-
обрѣтенія разнаго рода страхованій.

Насколько продуктивна работа москвичей, и насколько осязательны ея практическіе результаты, видно уже потому, что въ настоящее время число студентовъ-сотрудниковъ Бюро возросло до 700 человекъ.

Мысль о созданіи подобнаго Бюро близка къ осуществленію и для томскаго студенчества, пока же удалось организовать открытое при О-вѣ вспомошествованіи Страховое Агентство—эту миниатюру Страхового Бюро.

По своей организаціи вся сущность Агентства заключается въ слѣдующемъ:

Согласно заключеннымъ 8 ноября с. г. договорамъ съ Сѣвернымъ Страховымъ О-вомъ (по страхованію отъ огня—имущества, товаровъ, судовъ и проч.) и съ Т-вомъ „Саламандра“ (по страхованію жизни, отъ несчастныхъ случаевъ и проч.) агентъ (выборное лицо отъ О. В. на жалованіи), всю свою прибыль (известный % съ премій по заключеннымъ страхованіямъ) дѣлитъ между студентомъ, давшимъ страхованіе, и О-вомъ Вспомощ. На агента же возложена вся техническая работа (подъ руководствомъ пасекцій О-въ) по заключенію страхованій. Роль студентовъ-сотрудниковъ сводится къ доставленію въ Агент-

ство принципиальнаго согласія страхователя на заключеніе страхованія въ данномъ Страховомъ О-вѣ. Фактически, это согласіе страхователь выражаетъ подписью специальныхъ заявленій, коими снабжаются все студенты-сотрудники. Подача въ Агентство этого подписаннаго страхователемъ заявленія не черпывается роль студента-сотрудника. При заключеніи же (когда настанетъ срокъ страхованія) студентъ-сотрудникъ получаетъ причитающееся ему вознагражденіе, равное половинѣ отчисленной агентомъ комиссіи, вторая же половина идетъ О-ву Вспомоществованія.

При наличности большаго круга студентовъ-сотрудниковъ, проникнутыхъ идеей отъказа отъ общественной благотворительности и помощи своимъ бѣдѣвшимъ товарищамъ не путемъ устройства вечеровъ, спектаклей и т. п., а путемъ личной работы, возможно широкое развитіе начатаго дѣла, при чемъ счатаю уместнымъ добавить о томъ благожелательномъ расположеніи къ этому дѣлу правительственныхъ круговъ, которое выразилось въ циркулярныхъ распоряженіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Финансовъ по поводу открытія Студенческаго Страхового Бюро въ г. Москвѣ.

Д. Б.—инъ.

СКУЛЬПТОРЪ-СИБИРЯКЪ.

(Штрихи изъ біографіи Ин. Ник. Жукова).

Въ свою книгу „Рожденные въ странѣ изгнанія“, содержащую въ себѣ 15 отдѣльныхъ очерковъ о выдающихся людяхъ, выдвинутыхъ Сибирью на подрицахъ науки, литературы и искусства,—пишущій эти строки включилъ и біографію скульптора—сибиряка Иннок. Никол. Жукова, обратившаго на себя, за послѣдніе годы, вниманіе, какъ талантливый и глубоко своеобразный художникъ рѣзца, не только въ Россіи, но и за границу.

Къ сожалѣнію, въ то время, когда составлялась вышеназванная книга, мы не имѣли подъ рукою достаточныхъ матеріаловъ

для того, чтобы дать сколько-нибудь исчерпывающую біографію этого, дѣйствительно незауряднаго, скульптора—самоучки. Приходилось ограничиваться случайными, короткими и отрывочными, сообщеніями о Жуковѣ, разсыянными по нѣкоторымъ газетамъ и журналамъ,—и такая скудость біографическихъ источниковъ, конечно, не могла не отразиться на содержаніи очерка...

Уже позднѣе, по выходѣ книги, намъ удалось заручиться (главн. образ. благодаря любезности самого И. Н. Жукова, сообщившаго намъ нѣкоторыя интересныя детали своей біографіи) дополнительными свидѣні-

ми, позволяющими дополнить существенные подробности очерка о Жуковъ въ книгѣ „Рожденные въ странѣ изгнанія“.

Этими свѣдѣніями, касающимися, между прочимъ, пребыванія нашего скульптора въ Сибири и его отношенія къ своему родному краю, — мы считаемъ не лишнимъ подѣлиться съ читателями — сибиряками.

Дѣдъ И. Н. Жукова былъ коренной сибирякъ, по профессіи кузнецъ. Отецъ скульптора получилъ очень скромное образованіе, что, однако, не помѣшало ему, благодаря исключительно его упорному труду и способностямъ, выдвинуться на служебномъ поприщѣ и, постепенно поднимаясь по іерархической лѣстницѣ, дослужиться до ответственного поста управляющаго однимъ изъ золотыхъ приисковъ вѣдомства кабинета Его Величества, находящихся въ Нерчинско-заводскомъ округѣ.

На этомъ приискѣ, въ таинственной глуши, и протекло раннее дѣтство будущаго скульптора.

„Горы, покрытыя лѣсомъ, нашъ барскій большой домъ, контора, дома служащихъ, казармы для рабочихъ, золотопромышленная машина и людской муравейникъ въ „разрѣзѣ“ возлѣ нея — вотъ, что окружало меня на зарѣ моей жизни“, — рассказываетъ И. Н. Жуковъ о той обстановкѣ, которая окружала его въ раннемъ дѣтствѣ.

Къ этому же времени относятся и первыя попытки Жукова „творить“: вырѣзать изъ кореньевъ фигуры звѣрей, птицъ и людей.

Десяти лѣтъ И. Н. Жуковъ, вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ, были отправлены родителями въ Нерчинскій заводъ, къ проживавшему тамъ какому то учителю, для подготовки ихъ въ гимназію. А еще черезъ годъ — оба мальчика были уже въ читинской гимназіи. Жили они въ Читѣ у своего дяди, казацкаго офицера.

Когда Жукову исполнилось 12 лѣтъ, — умерла его мать. Въ гимназіи Жуковъ учился „на тройкахъ“, — „впрочемъ, съ математикой“ былъ въ ссорѣ и въ третьемъ классѣ сидѣлъ изъ-за нея два года“.

Въ четвертомъ или пятомъ классѣ у юнаго Жукова появилась потребность писать стихи. Онъ сталъ „издавать“ классный журналъ, помѣщая въ немъ собственные стихи и иллюстраціи. Въ журналѣ принимали участіе и одноклассники редактора, — С. А. Таскинъ (впоследствии членъ Государственной Думы, забайкальскій казакъ), Н. А. Ильинскій (позднѣе — преподаватель тифлисской гимназіи, переводчикъ Софокла и Эврипида), Н. И. Орловъ (извѣстный теперь золотопромышленникъ на Амурѣ) и др.

Приблизительно къ этому же періоду гимназической жизни Жукова относятся и его первыя работы изъ глины. Самъ онъ рассказываетъ по этому поводу слѣдующее:

„Во дворѣ у дяди рыли колодезь и выбросили глину. Впервые глина попала мнѣ въ руки... Появились экспрессивныя головки, которыя вызвали удивленіе, смѣхъ и любопытство среди товарищей гимназистовъ. Начальство гимназическое узнало объ этой моей способности позднѣе, когда зашла рѣчь о чествованіи дѣдушки Крылова (по случаю юбилея тогда 50-лѣтія смерти знаменитаго баснописца). Кто-то изъ товарищей указалъ на меня, какъ на гимназиста, который могъ бы вырѣзать бюстъ Крылова. Предложили мнѣ. Черезъ недѣлю бюстъ былъ готовъ. На пьедесталѣ его я размѣстилъ крыловскихъ животныхъ. На вечерѣ мой Крыловъ былъ предметомъ всеобщаго вниманія, мнѣ огромное удовольствіе доставили нѣсколько фразъ извѣстнаго въ Сибирь культурнаго дѣятеля А. К. Кузнецова, основателя читинскаго музея“.

„Впрочемъ — продолжаетъ Жуковъ, — этотъ скульптурный успѣхъ былъ скоро забытъ, — зато извѣстность моя, какъ поэта, въ гимназіи все больше упрочивалась. На гимназическомъ актѣ въ 7-мъ классѣ я уже, въ роли поэта, имѣлъ шумный успѣхъ... Особенно нравилась моя поэма: „Любовь Полифема“ и стихотвореніе: „Друзьямъ“. Последнее даже превратилось въ гимназическую пѣсню, которая распѣвалась еще долгое время послѣ окончанія мною гимназіи“.

Гимназическій дипломъ Жуковъ получилъ въ 1895 году, и осенью того же года отправился въ сопровожденіи своей сестры,

курсистки, изъ Нерчинскаго завода, гдѣ къ этому времени поселился его отецъ, выйдя въ отставку,—въ Петроградъ, чтобы тамъ поступить въ университетъ.

Вспоминая теперь о своей поездкѣ въ столицу, Жуковъ рассказываетъ:

„Путешествіе было длинное и очень утомительное. О великомъ сибирскомъ жел.-дорожномъ пути тогда еще только что говорили. Первый поездъ я увидѣлъ лишь въ Перми. Весь путь до Перми пришлось едѣть на лошадахъ. Бхали день и ночь, и, все-таки, въ Петроградъ попали лишь черезъ мѣсяцъ“...

Въ университетѣ Жуковъ былъ зачисленъ на историко-филологическій факультетъ.

„Началась студенческая жизнь. Лекція, новыя знакомства, сходки, студенческія волненія, борьба марксистовъ и народниковъ, собранія читинскаго землячества, все это поглотило меня,—вспоминаетъ Жуковъ.—Я едѣлся праводѣрнымъ марксистомъ. Читалъ рефераты въ читинскомъ землячествѣ, выступалъ на вечеринкахъ, а на искусство смотрѣлъ сверху внизъ: какъ можно заниматься искусствомъ въ Россіи, когда не рѣшено такъ много важныхъ основныхъ вопросовъ!.. Свѣтлая полоса жизни! Кто не переходилъ черезъ нее, тотъ не знаетъ, что такое идеализмъ,—свѣтлый, самоотверженный, прекрасный!..“

Но какъ ни пренебрежительно старался относиться Жуковъ-студентъ къ искусству, оно, все-таки, „каждое лѣто, побуждало его“... Пользоваться лѣтними каникулами для поездки на родину, въ Сибирь,—не приходилось, въ виду отдаленности разстоянія и отсутствія желѣзной дороги въ Сибирь. Поэтому Жуковъ, вмѣстѣ съ братомъ—студентомъ, окончившимъ къ тому времени читинскую гимназію, на лѣтнее время, обыкновенно, отправлялся куда-нибудь въ деревню, подь Петроградомъ, гдѣ и проводилъ все лѣто „въ глинѣ“.

„Работалъ, лѣпилъ запоемъ съ утра до поздней ночи... къ концу лѣта все столы, подоконники и веранды бывали, обыкновенно, заставлены разными экспрессивными фигурами, привлекавшими вниманіе окрестныхъ

крестьянъ и дачниковъ. Съ собой въ Петроградъ бралъ одну или двѣ вещицы, а остальное раздавалъ крестьянамъ и дачникамъ, или отдавалъ „на разстрѣлъ“ дорожнымъ мальчуганамъ“.

Въ 1899 году Жуковъ женился на сестрѣ-младшей высшихъ женскихъ курсовъ И. Рындинной, которая была другомъ детства (жена скульптора—сибирячка, доуправляющаго одного изъ кабинетскихъ преисковъ Нерчинско-заводскаго округа). И едѣвшись его женой стала для него вѣрной и любящей помощницей, поддерживавшей художественныя стремленія мужа и помогавшей ему выйти на широкую дорожку художника.

Въ 1902 году Жуковъ оканчиваетъ университетъ и съ осени этого года становится преподавателемъ географіи въ коммерческомъ училищѣ Е. О. Шрекенина.

Такъ скульпторъ по призванію дѣлаетъ педагогомъ по профессіи. Педагогическая дѣятельность Жукова продолжается и сихъ поръ.

„Много времени и много первой энергии поглотила она,—рассказываетъ Жуковъ,—но, все же, оглядываясь на пройденный путь, я вижу въ немъ и много радости. Эти радости—въ общеніи съ дѣтьми, чувствѣ удовлетворенія отъ своей работы въ школѣ. Дѣти меня любили“.

„Но и въ эти годы педагогическаго труда,—продолжаетъ онъ,—скульптура властно вторгалась въ мою жизнь и уносила меня далеко отъ привычныхъ педагогическихъ будней... Лѣтомъ я становился совершенно другимъ человекомъ... И чѣмъ больше трудился, темъ я сознательно и безсознательно тосковалъ по глинѣ, тѣмъ съ большимъ порывомъ набрасывался лѣтомъ на глину. Пудовъ глины—это была обычная лѣтняя порція, проходившая черезъ мои руки мастерской, которую я, обыкновенно, сооружалъ своими руками“...

Свои вещи Жуковъ лѣпилъ, попрежнему не съ натуры, а фантазируя. Весной 1906 г.,—рассказываетъ онъ,—альбомъ со снимками съ моихъ работъ подарилъ скульптору В. А. Веклемишеву, работнику академіи художествъ.

Онъ пригласилъ меня работать въ свою мастерскую. Даль лѣпить анатомическую фигуру, но работу пришлось скоро оставить: наступило лѣто, Беклемишевъ уѣхалъ за-границу.

Этимъ и ограничились мои попытки учить-ся. Поступить куда-нибудь въ мастерскую, и даже самостоятельно систематически рабо-тать съ натуры—я не могъ по финансо-вымъ соображеніямъ: было трудно жить съ женой (жена и трое дѣтей), да и педаго-гика, бѣготня по училищамъ утомляли очень. Взросить же педагогику я, конечно, не могъ: сколько она давала мнѣ возможность сво-бодно концы съ концами.

Въ 1907 г. альбомъ съ моими снимка-ми черезъ десятки рукъ попалъ къ худо-жественн. критику Врешко-Врешковскому. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ и посоветовалъ выставить то, что у меня тогда нашлось.

На „Осенней Выставкѣ“ вещи мои имѣ-ли успѣхъ.

Съ тѣхъ поръ я сталъ выставлять свои вещи съ успѣхомъ, все возрастающимъ. Но учиться—по прежнему не удавалось. Некоторое время, впрочемъ, (мѣсяца два), я рисовалъ съ натуры въ одной частной мастерской.

Весной слѣдующаго года друзьямъ уда-лось собрать меня въ Парижъ. Пробылъ я тамъ два лѣтнихъ мѣсяца, посвящая все время осмотру художественныхъ сокровищ-ницъ столицы міра.

Слышалъ отзывъ о себѣ Родена, пере-данный мнѣ его секретаремъ г. Менье. Ро-денъ (онъ видѣлъ мои снимки) не совѣ-туетъ мнѣ поступать въ мастерскую какого-либо maitr'a:

„У васъ сильная индивидуальность, и вы напрасно потратили-бы время на борьбу съ другой индивидуальностью. Имѣйте муже-ство работать одинъ. Пусть вашимъ maitr'омъ будетъ сама природа“...

По словамъ г. Менье, Роденъ отзывался обо мнѣ, какъ о „talent exceptionnel et profond, comme leur Dostoyevsky“...

Все это окрылило мои надежды, но су-ровая жизнь по прежнему приковывала ме-ня къ землѣ“...

По возвращеніи Жукова въ Петроградъ, для него снова потекли педагогическія буд-ни... Впрочемъ, теперь онъ по вечерамъ уже могъ всецѣло отдаваться любимому ис-кусству. Въ мастерскую былъ превращенъ подвалъ одного изъ домовъ по Вузовской ул. Здѣсь, при свѣтѣ электрическихъ лам-почекъ, нашъ скульпторъ работалъ до глу-бокой ночи... Теперь Жукову приходилось вести двойственную жизнь, смѣняя, какъ онъ самъ говоритъ, „педагогическіе дни на скульптурныя ночи“ и мечтая о Парижѣ, гдѣ онъ могъ бы, подъ опытнымъ руковод-ствомъ, совершенствовать свое дарованіе.

Осенью 1912 г. его мечты осуществи-лись. Послѣ длительного и напряженнаго ожиданія Жуковъ, съ огромною радостью узналъ, что одно частное лицо назначило ему стипендію для поѣздки въ Парижъ, на три года.

Жуковъ покинулъ свои педагогическія за-нятія и, окрыленный радостью, ѣдетъ въ Парижъ для того, чтобы тамъ „работать, какъ волъ“, изучая человѣческое тѣло, ов-ладѣвая формой, въ которой онъ чувство-валъ свою полную безпомощность, и „обо-гащать свою душу художественными воспри-ятіями Всемирнаго Города“.

Роденъ, глубокій старецъ, давно уже не имѣлъ учениковъ. Жуковъ поступилъ въ мастерскую извѣстнаго скульптора Бурделя (Bourdelle, какъ и другой художникъ—Maiolli являются столпами современной французской скульптуры).

Два года работалъ Жуковъ въ мастер-скихъ Бурделя въ Academie de la gra-nde Chaumiere. Работалъ съ напряжені-емъ и радостью. „Эти два года были луч-шими годами моей жизни,—пишетъ онъ. Все напряженіе, всѣ силы уходили не на творческую работу, какъ прежде, а исклю-чительно на ученическое копированіе и кон-струированіе живой модели. Какъ инокъ, я наложилъ на себя запретъ: два года твор-чески не прикасаться къ глинѣ.“

„Взнуздать необузданную лошадь своей фантазіи мнѣ казалось необходимымъ, и я всей душой отдался ученичеству“.

Выдержать искусь, однако оказалось не такъ легко, и въ послѣдніе полгода пре-

бызанія своего въ Парижѣ Жуковъ урывками начинаетъ работать самостоятельно. Результатомъ творчества явилось около двадцати работъ, большихъ и малыхъ, впрочемъ незначительныхъ, т. к. работая самостоятельно, Жукову приходилось, по его собственнымъ словамъ, „преодолывать“ угрызения совѣсти, вследствие нарушеннаго обѣта, да и времени для свободного творчества оставалось немного“.

Лѣтомъ 1914 года, за двѣ недѣли до начала европейской войны, Жуковъ выѣхалъ изъ Парижа въ Россію, съ тѣмъ, чтобы, отдохнувъ мѣсяца три у себя дома, въ Петроградѣ, вернуться осенью въ Парижъ еще на годъ, для завершенія своего „ученичества“. Но начавшаяся война нарушила планы художника. Пришлось остаться въ Россіи и, чтобы существовать съ семьею, вновь заняться педагогикой.

Какъ относится Жуковъ вообще къ своей родинѣ Сибири?

Объ этомъ,—пишетъ онъ автору настоящихъ строкъ,—пусть расскажетъ вамъ мое студенческое новогоднее стихотвореніе*), посвященное Г. Н. Потанину:

Свой бокаль я, друзья, поднимаю
За того, кто до старости смогъ

Сохранить молодые порывы
Средь житейской борьбы и тревогъ.
... Кто въ душѣ своей честно и смѣло
Правды несъ веземной идеаль,—
За того я, друзья, поднимаю
Въ новогоднюю ночь свой бокаль!...

И за тѣхъ свой бокаль поднимаю,
Кто сраженъ былъ въ неравномъ бою.
Кто въ оковахъ тяжелыхъ томится
Въ отдаленномъ и чуждомъ краю.
... И за край тотъ, холодный и хмурый
Что неволью имъ мачехой сталъ,—
Я съ сыновней, святою любовью
Высоко поднимаю бокаль!...

Пусть предъ свѣточемъ правды и знанья
Въ ней разсѣется сумракъ скорбей,
И замолкнутъ тяжеле стоны
И бряцанье желѣзныхъ цѣпей...

... За надежду—мечту дорогую
И за правды святой идеаль,—
За родную Сибирь поднимаю
Въ новогоднюю ночь свой бокаль!...

Въ этомъ, не советѣмъ выдержанномъ по формѣ, но глубоко прочувствованномъ стихотвореніи сказался въ Жуковѣ вѣрный сынъ Сибири, искренно и горячо любящій свою суровую, обездоленную родину.

К. Дубровский.

Критика и библиографія.

О киргизской поэзіи.

Высохла трава въ степи, покрылась степь пылью, соломою крытые дома видны,—зачѣмъ писать о пѣсни, о крылатой пѣсни киргиза Пѣль онъ, пѣль въ свободное время, когда степь цвѣла, воздухъ былъ чистымъ,—далеко тогда слышно было пѣснь его. Отъ копытъ лошадей много ли шуму. Трава мягка какъ бархатъ. Звонкой была пѣснь, вольной была. Пѣвецъ—„ахынъ“ въ почетѣ былъ. Каждый родъ гордился ахыномъ. Восхвалялъ онъ родъ свой, величалъ онъ родъ свой, воспѣвалъ подвиги „батырей“ своихъ. Султаны гордились ахынами.

Двѣ струны кобыза, длинныя двѣ струны изъ конскаго волоса, нѣли подъ нажимомъ смычка... Былиннымъ слогомъ пѣль, речитативомъ пѣль Арсланбай... „Эркокчи—Эркосай“ джиръ*) пѣль, „Идыге“ джиръ пѣль:

... Велѣлъ Тохтамышъ снять съ Идыге худую одежду его.

Надѣлъ на него широкое платье съ завязками на груди.

Чернаго соболя шубу подарилъ, чтобы носилъ ее поверхъ платья.

Далъ ему сѣраго иноходца, къ которому привязанъ былъ кожаный дитавръ.

*) Приводится здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями.

**) Особая форма пѣсни—былинная.

Бълаго кречета—птицу посадилъ на руку, у него, путы!) на цѣлую ладонь—чистаго золота.

Поѣзжай ты вокругъ неперелетимаго моря, вокругъ озера прохлаждайся.

Если изъ Кырму придуть споры, рѣшай ихъ, Идыге.

Если изъ степи наѣдетъ неприятель, раздѣлывайся съ нимъ...²⁾

Померъ Арсланбай—давно померъ, и Джапака старый пѣвецъ померъ давно,—валяется безъ струнъ старый кобызь, и дѣти не знаютъ что это за большая ложка, съ выгнутой ручкой, не сурпятъ кумысъ такой ложкой: велика она, глубокая, круглая.

Померъ Джапака поэтъ, музыкантъ, пѣвецъ, какими были пѣвцы импровизаторы древности,—замолкъ кобызь навѣки, не слышно въ степи джира.

„Джиръ старики пѣли“—скажетъ молодой киргизъ.

Пролети вѣтеръ по степи родной, принеси мнѣ звуки кобыза.—теперь старый баксы³⁾, когда поетъ джиромъ, призывая добрыхъ духовъ, играетъ на немъ.

Когда Пѣснь летала надъ міромъ, слышали киргизы поздней ночью послѣдніе звуки чудныхъ пѣсень ея,—развѣ они не умѣютъ пѣть.

Бѣхали сарты слушать Пѣснь, слышали ночью собачій вой, всю ночь слушали,—развѣ они умѣютъ пѣть.

Смолкъ джиръ—былинный слогъ, смолкъ кобызь—даръ Пѣсни.

Почему бѣдная мать хороня сына причетаетъ—плачетъ джиромъ?—Сохранилась въ сердцѣ пѣснь ночи.

Джиравъ—по киргизски надгробная пѣснь

(Срунбай, Орунбай!—и ты Чаджи, слѣпой пѣвецъ, легко ли вамъ было джиръ забыть?.. Хорошо вамъ было уленомъ пѣть: легко уленомъ пѣть, слога стихи восхвалять сильныхъ, воспѣвать святыхъ. Развѣ ахынъ не уленомъ поетъ, бренча на домбрѣ.

„Съ балалайкой въ рукахъ, золотое слово превратилъ онъ въ медь, какъ нищій ходитъ онъ по чужимъ родамъ,

собирая гроши“—не такъ ли про него говорить Абай. Поетъ степь стихи Абая Кунанбаева, поетъ стихи Алтынсарина.. Кто споетъ теперь джиръ „Эркакчи—Эркосай“! Забываетъ степь старое; исчезаетъ народное творчество.

Поетъ въ степи ахынъ киргизъ „письмо Татьяны къ Онягину“, знаетъ онъ пѣвца—ахына Пушкина, знаетъ Лермонтова, стихи котораго такъ любилъ Абай,—знаетъ онъ и все басни Крылова.

Великій киргизскій поэтъ Абай Кунанбаевъ, киргизъ степнякъ неполучившій образованія познакомился съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Некрасовымъ, Толстымъ, Тургеневымъ, Салтыковымъ, Достоевскимъ, Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ, Иисаревымъ, прочелъ „Опыты“ Спенсера, „Умственное развитіе Европы“ Дренера, читалъ статьи Чернышевскаго, перевелъ на киргизскій языкъ „Евгенія Онегина“, много стиховъ Лермонтова и басенъ Крылова. Переводы его вмѣстѣ съ его собственными стихами встрѣчаются въ настоящее время во всехъ концахъ киргизской степи. „Его чудные стихи посвященные четыремъ временамъ года сдѣлали бы честь знаменитымъ поэтамъ Европы...—говорить А. Букейхановъ“.

Но не знаемъ мы, русскіе, ни Абая Кунанбаева: ни Алтынсарина, ни новыхъ поэтовъ киргизскихъ Дулатова, Байтурсунова и др., ни старыхъ киргизскихъ народныхъ поэтовъ—пѣвцовъ—импровизаторовъ... Незнакомы мы съ киргизскимъ народнымъ творчествомъ. Одишь у насъ акакалъ съ красивой душой Григ. Ник. Потанинъ, окъ ближе всехъ знаетъ киргизскую жизнь, больше всехъ знаетъ киргизское творчество⁵⁾. Въ его трудахъ мы встрѣчаемъ много киргизскихъ легендъ, сказаній и сказокъ. Сказанія, сказки, легенды пѣлись раньше въ степи подъ звуки кобыза джиромъ, какъ наши былины, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была разговорная рѣчь.

Другъ Г. Н. Потанина, „блестящій“, какъ называлъ его Н. М. Ядринцевъ, Чоканъ Чингисовичъ Валихановъ оста-

1) Путы—цѣпи на ногахъ кречета.

2) Орывокъ изъ сказанія о Идыге, джиръ,—переводъ Ч. Валиханова.

3) Киргизскій шаманъ.

4) Записки Семип. подготѣла Рус. Геогр. Об-ва вып. III-й 1907 г.)

5) Авторъ не упоминаетъ о В. В. Радловѣ, какъ знатокъ тюркскаго народнаго творчества такъ какъ все 6 томовъ его работъ въ этой области написаны на киргизскомъ языкѣ и переведены лишь на нѣмецкій языкъ. Изъ этихъ шести томовъ лишь одинъ (третій) посвященъ киргизскому народу. Труды Радлова изданы не киргизской (арабской) транскрипціей, а принятой нашей Академіей Наукъ. Ред.

вить намъ много цѣннаго о прошломъ киргизской степи*.

Оригинальныя сочиненія Абая Кунанбаева собраны сыномъ его Туракуломъ, но на русскій языкъ еще не переведены и не изданы.

Изъ стихотвореній Алтынсарина въ русскомъ переводѣ мнѣ извѣстно одно— „Весна“. Изъ стихотвореній Абая Кунанбаева также одно— „О любви“. Перевела эти два стихотворенія киргизка Назифа С. Кульджанова.

„Весна.“ (***)

Весной водружается знамя благодати. Въ небесахъ ужъ виднѣются утки и гуси. Дожди съ небесъ и съ горъ текутъ ручьи, вся земля покрыта снѣговой водой. Лучъ рая снизошелъ на землю и святымъ дыханьемъ выводитъ изъ нея траву.

Ужъ ближе къ намъ и солнце стало. И день и ночь равны веленьемъ Бога. Когда съ небесъ милостиво наклоняется солнце, радостно оживаетъ все земное. Какъ раскрывшій глазки отъ сна ребенокъ, трепеща, распускается цвѣтокъ.

Въ туманной дали дымясь выходятъ облака, туманные дни настаютъ съ дождями. Человѣкъ какъ воду пьетъ, глотаетъ глагодатный воздухъ, какъ жаждущее животное воду пьетъ. Не знающія заботъ житейскихъ, малыя дѣти стремительно бѣгутъ во все концы.

Силой обильныхъ весеннихъ дождей вырастаютъ разнообразныя травы и вся земля покрывается густой зеленью, въ которой находятъ отраду все живое. Чтобы все живое въ довольствѣ жило, изъ рая ароматы приносятъ вѣтерокъ.

Каждый день апрѣля лекарство отъ болѣзни, такъ повелѣлъ Господь.

Вдвойнѣ увеличивается скотъ въ хозяйствѣ. Изъ зимовокъ выѣзжаютъ аулы разныхъ состояній. Смѣясь и шутя обнимаются молодыя женщины, нагружающія верблюдовъ для отправки на новое мѣсто.

Бѣгутъ по горамъ и холмамъ серны и куланы, радостно встрѣчая пришед-

шую весну; а вдали туманной зоветъ смѣясь миражъ обманчивый. Въ раскрытыя объятія озеръ съ зеленой травой садятся съ гоготаньемъ гуси и журавли..

Повсюду замѣтно радостное проявленіе довольства.—торжествуетъ человѣкъ. Играя, вскачь несутся жеребята, мычатъ коровы, блеютъ овцы, съ шумомъ разливаются рѣки и овраги.

Размашисто шагая выходить и верблюды.—это удивительное твореніе Бога.

Вечеръ. Солнце садится за горы, разбрасывая пурпурно золотыя искры по небосклону. Съ благоговѣньемъ, съ восхищеніемъ обнимаются влюбленные... Изъ бѣлой юрты передъ зарей выходитъ молодой женихъ, а влѣдъ за нимъ краснѣя смотритъ счастливая невѣста.

И старъ и молодъ славить Бога,—что душѣ такое счастье и исцѣленіе онъ послалъ. Все живое въ благоговѣніи возноситъ моленія Всевышнему.—человѣкъ и звѣрь, и птица, и насекомое, и лѣсъ вдали, и въ долинахъ цвѣты—все шумя, благодаритъ и славить Бога.

И. Алтынсаринъ (***)

О любви.

Въ тихую ночь сіяла луна, дрожжа отражалась въ водѣ; глубокой оврагъ за ауломъ, рѣка, разливаясь, тутъ близко шумѣла.

Густого лѣса листья шептались межъ собой, не видно было и земли подъ шелкомъ зелени густой.

Помнишь, какъ лай собакъ и крики пастуховъ отлаивались въ горахъ.

„дали аула навстрѣчу мнѣ какъ на свиданье ты пришла.

Какъ будто плывя, незамѣтно, то холодѣя, то горя. Затаявъ дыханье, волнуясь, насторожившись пугливо, словъ не спуская съ языка, съ усиленно бьющимся сердцемъ, стояла ты, опершись на плечо ко маѣ, и въ горлѣ у тебя клокотали несказанныя слова.

Абай Кунанбаевъ.

Интеллигентные киргизы говорятъ, что Абай открылъ богатство родного языка: до него они думали, что киргизскій языкъ очень бѣденъ. Абай простыми словами понятными каждому киргизу

*) Сочиненія Ч. Ч. Валиханова, записки И. Рус. Геогр. О-ва т. XXIX, 1904 г.

**) См. въ концѣ стих. сноски.

***) Дословный переводъ этого стих. сдѣланъ И. Лазовымъ. „Матеріалы по киргизскому языку“ Изд. Лаз. Ин. Вост. Яз., вып. II, 1906 г.

излагалъ основныя идеи философіи. Абай скончался въ 1904 году. По случаю десятилѣтія со дня смерти Абая Кунанбаева, въ киргизской газетѣ „Казакъ“ въ 1914 году, напечатано было стихотвореніе киргизскаго поэта П., посвященное памяти Абая:*)

Не лѣнь, хоть сто разъ прочитаешь въ день.

Не замѣчаешь ни усталости, ни утомленія глазъ. Слова одно другого лучше и съ жадностью твердишь по многу разъ. Какъ не тронешься содержаніемъ, когда въ тончайшія нити твоей души чувствуются, живутъ при чтеніи!

Въ словахъ этихъ и правда, и красота и мудрость, и нѣтъ мѣста не близкаго душѣ.

Не было еще у киргизъ словъ (стихотвореній) лучше, которыя можно было бы сравнить съ словами твоими.

Въ темное время отошелъ отъ насъ. Не былъ ли бы ты первымъ искателемъ добра и свѣта, желая поднять выше своихъ темныхъ собратьевъ, не сталъ ли бы щитомъ противъ позора тьмы, не сталъ ли бы на аренѣ жизни—борясь съ вредными привычками народа, чтобы съ корнемъ оторвать эти привычки! Напелъ бы пути и въ потемкахъ, напелъ бы и друзей, чтобы совместно стремиться и искать свѣта культурнаго счастья. Нѣтъ киргиза который съ сокрушеніемъ не сказалъ бы: „Зачѣмъ теперь тебя нѣтъ съ нами!“

Было время, когда и женщины киргизскія выступали на сборищахъ передъ тысячной толпой слушателей, восхваляя въ пѣсняхъ родъ свой, прославляя вольную кочевую жизнь, выражая въ пѣніи радости и горести народныя. Но немногихъ изъ нихъ имена сохранились въ памяти народной. Пѣсни ихъ, какъ и другихъ пѣвцовъ импровизаторовъ того времени не записывались и теперь исчезли почти совсѣмъ.

Въ родѣ Найманъ была знаменитая пѣвица Сара:—никто не могъ побѣдить ее въ пѣніи. Сохранилось преданіе, что разъ пріѣхалъ въ ихъ родъ изъ рода Аргынъ извѣстный пѣвецъ Бржанъ. Сталъ онъ восхвалять богатство и знатность рода Аргынъ. Но Сара послѣ долгихъ пререканій, побѣдила его, доказавъ преимущество рода Найманъ. Тогда Бржанъ спросилъ ее неожиданно, то ея возлюбленный, ея—непобѣдимой

поэтессы рода Найманъ. Тутъ, упрекая всѣхъ своихъ родныхъ и сородичей и вообще обычай киргизъ въ отношеніи сватовства, не считающійся съ желаніемъ дѣвушки и часто калѣчащій всю ея жизнь, Сара всенародно призналась что она побѣждена, такъ какъ жениха ея нѣтъ нужды видѣть Бржану, потому что онъ уродъ и нравственно и физически.

Состязаніе это—„Сара и Бржанъ“, воспроизведенное киргизскимъ поэтомъ Арипомъ, поется въ степи и до сихъ поръ, въ переводѣ же на русскій языкъ я его не встрѣчалъ.

Въ настоящее время появляются каждый годъ въ степи все новыя и новыя мотивы, но какъ скоро они появляются, такъ же быстро и исчезаютъ.

Изъ новыхъ мотивовъ держится лишь, появившійся въ степи года два—три назадъ, мотивъ альдіау,—колыбельный припѣвъ соответствующій русскому „баю-бай“. Тонуть въ глубинѣ сердца ноты, шепчутъ и вызываютъ слезы! Вотъ одна изъ пѣсень, которыя поются этимъ мотивомъ:

Была я, Зулкія, дочерью Оспанъ бая,
Играя и веселясь жила я счастливо
и беззаботно.

Альдіау... О, Боже! Ауль мой останется.

И зрѣніе мое глядя устанетъ (потухнетъ):

Не плачь дитя, не плачь!

Альдіау...

Находится мой ауль на урочищѣ Кызыль—Ченгиль.

Неужели я пойду за этого, за худого?
Неужели надѣну я на себя ярмо.

Альдіау... О, Боже! Ауль мой останется.

И зрѣніе мое глядя устанетъ.

Не плачь дитя, не плачь!

Альдіау...

Съѣли на свадьбѣ старики—аксакалы почетное мѣсто...

Къ чему Богъ создалъ дѣвушку челоукомъ?!

Если ты дѣвушка,—считай:—Ты несчастная... Погибшая!

А если-бъ я была мужчиной, то не было-бъ всего этого.

Альдіау... О, Боже! Ауль мой останется.

И зрѣніе мое глядя устанетъ.—

Не плачь дитя, не плачь!

Альдіау...

*) Переводъ съ киргизскаго.

Аулъ мой находится въ Тубень джай-
дахъ.

Шапки—малахай молодцы—джигиты
обшивають дорогими матеріями.

Допускается ли въ законѣ, чтобъ дѣ-
вушку не отдавали замужъ за того,
кого она любить?!

Альдіау... О, Боже! Ауль мой оста-
нется.

И зрѣніе мое глядя устанетъ.—

Не плачь дитя, не плачь!

Альдіау...

Теперь морщины на лицѣ той, кото-
рая была прежде, какъ жокакъ въ ста-
дѣ, въ средѣ молодежи...

И тотъ кому я отдана оказался не
соколомъ, а ворономъ.

Пришлось покориться волѣ рока.

Альдіау... О, Боже! Ауль мой оста-
нется.

И зрѣніе мое глядя устанетъ.—
Не плачь дитя, не плачь!

Альдіау...

А. Блослюдовъ.

г. Семипалатинскъ,

НОВЫЙ СТУДЕНЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Въ Петроградѣ вышелъ новый студен-
ческий журналъ „Студенческая Мысль“. Въ виду того что журналъ не полученъ еще въ Томскѣ между тѣмъ какъ въ „Рѣчи“ уже помѣщенъ отзывъ объ этомъ журналѣ Д. Философова, мы и даемъ этотъ отзывъ въ сокращеніяхъ.

„Многое надо сказать,—заявляетъ редакція—и если первая слова наши будутъ не столь ярки, не столь всеобъемлющи, если первые шаги наши будутъ робки и неуверенны, то пусть не караетъ насъ строго читатель, ибо это все-таки п е р в ы е ш а г и“.

Сказать яркія и всеобъемлющія слова не такъ легко, какъ думаетъ редакція. И ужъ, во всякомъ случаѣ, отъ студенческаго журнала т р е б о в а т ь такихъ словъ никто не будетъ. Отъ молодого журнала, прежде всего, требуются и с к р е н н о с т ь и д о б р а я в о л я. Поэтому пусть руководители не боятся. Карать ихъ никто не будетъ. Отсутствие яркости и широты мыслей сторицей искупается искренностью и доброй волей. Надо думать, что и на бѣлыхъ страницахъ журнала сказано много хорошаго.

По существу, молодежи труднѣе говорить, чѣмъ намъ, взрослымъ. Мы знаемъ мѣру своихъ силъ, жизнь уже потрепала насъ у насъ нѣтъ молодого задора, желаній во что бы то ни стало сказать что-нибудь яркое и всеобъемлющее. Мы соразмѣряемъ наши слова и дѣйствія съ нашими силами, съ возможностью вишняго ихъ выраженія.

Для молодежи подобныя соображенія не существуютъ. И въ этомъ—ея вѣчная обаятельность. Она хочетъ все охватить, все разрѣшить.

И невольно приходятъ на память плохіе, но нѣкогда очень популярныя „Монологи“ Огарева:

Чего хочу?.. Чего?.. О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь.

Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой

Сожжется мозгъ и разорвется грудь!..

Только возобновивъ въ памяти при-
веденный отрывокъ изъ Огарева, можно понять и оцѣнить слѣдующія слова изъ редакціонной статьи:

„Студенчество не то, что было. Старыя пѣсни пропѣты, старые пути забыты. Мы идемъ къ новымъ цѣлямъ, еще неяснымъ, еще невидимымъ, но мы идемъ.“

Мы выросли. Прежнія рамки стали узки, и намъ нужны новыя формы, и вотъ эти-то формы и надо найти. Мы не беремъ на себя смѣлости указанія новыхъ путей, но тѣ, кому дорого студенчество, тѣ, кто искренно любитъ его, тѣ помогутъ намъ возможно вѣрнѣе отразить то, что свершается въ нашей средѣ, тѣ помогутъ намъ нарисовать эти исканія и, быть можетъ, дѣльнымъ совѣтомъ на страницахъ журнала помогутъ бредущему ошущую студенчесуу*.

Въ этихъ словахъ цѣнна именно „внутренняя тревога“, симпатично именно обиліе желаній*.

Студенты просятъ о помощи, готовы выслушать совѣтъ.

Въ числѣ сотрудниковъ она называется и имена не студенческія. Въ частности, проф. А. А. Кауфманъ далъ статью „профессиональную“. Она ясно показываетъ, какъ „профессионализмъ“ тѣсно

связанъ съ вопросами общими и какъ важно, чтобы изъ дня въ день не только въ студенческомъ журналѣ, но въ сѣхъ газетахъ появлялись подобныя „профессиональныя“ статьи.

Проф. Кауфманъ говоритъ о „хлѣбѣ насущномъ“. О томъ хлѣбѣ, котораго у многихъ нѣтъ. Пишетъ онъ безъ сентиментальности. Изслѣдуетъ „документы“ анкеты, произведенной на женскихъ курсахъ.

„Мозгъ не работаетъ, потому что всегда хочу ѣсть“, — пишетъ одна курсистка.

Послѣ обѣда въ курсовой столовой — всегда уходила полуголодная. „За недѣлю обѣдала два раза. Пробавляюсь чаемъ“. Таковы „документы“, взятые на выдержку.

Если бы журналъ отвелъ широкое мѣсто всевозможнымъ анкетамъ, освѣщающимъ самыя разнообразныя стороны студенческой жизни, онъ, подъ флагомъ цѣлаго „профессионализма“, дѣлалъ бы самую нужную, самую полезную работу, завоевалъ бы прочное положеніе какъ „спеціальныя“ журналъ, совершенно необходимый для всѣхъ общественныхъ дѣятелей.

Въ связи съ войной, студенты ищутъ дѣла. „Дайте намъ дѣло, которое мы можемъ и которое мы хотимъ дѣлать“, говорится въ руководящей статьѣ.

Но какъ важно, для отвѣта на это требованіе, знать съ послѣдней точностью, что уже студенты сдѣлали на

этомъ поприщѣ! Къ счастью, не всѣ изъ нихъ обѣдаютъ два раза въ недѣлю, и многіе уже стоятъ на работѣ. На какой? Гдѣ? Въ точности мы этого не знаемъ. Можетъ быть опытъ самихъ студентовъ тутъ гораздо важнѣе, чѣмъ посторонніе совѣты взрослыхъ.

Словомъ кругъ студенческихъ „профессиональных“ интересовъ очень широкъ. Онъ „узокъ“ только своей конкретностью. Но именно конкретность и есть самая здоровая „политика“ сегодняшняго дня.

Тѣ журналъ имѣется и „беллетристическій отдѣлъ“. Противъ такого отдѣла ничего по существу возразить нельзя. Но боюсь, какъ бы именно этотъ отдѣлъ не повредилъ успѣху журнала. Искусство — божество очень жестокое. Оно безпощадно мститъ за легкомысленное къ себѣ отношеніе. А главное, къ литературнымъ произведеніямъ нельзя подходить по признаку „студенчества“. Плохая вещь не станетъ лучше отъ того, что ее написалъ студентъ. Думается, и беллетристическій отдѣлъ слѣдуетъ связать съ какимъ-нибудь студенческимъ коллективомъ.

Во всякомъ случаѣ, петроградскіе студенты дѣлаютъ хорошее дѣло, и надо надѣяться, что „Студенческая Мысль“ будетъ расширяться и обогащаться. Слишкомъ много вложено въ новый журналъ доброй воли и слишкомъ серьезную цѣль онъ преслѣдуетъ.

Георгій Гребенщиковъ. *Въ просторахъ Сибири.* Т. 2-й. Изданіе т-ва писателей. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Г. Гребенщиковъ началъ печатать свои рассказы и очерки, главнымъ образомъ, въ различныхъ газетахъ Сибири. Въ послѣдніе пять лѣтъ его произведенія стали появляться въ толстыхъ ежемѣсячникахъ: „Завѣты“, „Современникъ“, „Ежемѣсячный Журналъ“, „Современный міръ“. Въ 1913 году въ изданіи т-ва писателей (Петроградъ) вышла въ свѣтъ первая книга произведеній молодого писателя, тепло встрѣченная критикой. Почти всѣ замѣтки, посвященныя журналами и газетами книгѣ, отдавали должное дарованію автора. Выказывалась надежда, что писатель стоитъ

на пути къ хорошему будущему. Надежды эти вполне оправдала вторая, вышедшая въ текущемъ году, книга писателя — сибиряка. Мы могли бы сказать и больше: писатель превзошелъ ожиданія критики, останавливающейся преимущественно на цѣнности первой книги, какъ на матеріалѣ бытовомъ, сибирскомъ. Во второй книгѣ передъ нами — не только искренній, любящій свой край, бытописатель. Передъ нами — интересный, со своимъ міромъ пѣсень, художникъ.

Грубый по особому, но сочный и энергичный языкъ, свѣжесть красокъ, смѣлость въ постановкѣ темы, обиліе всего того, что оживляетъ народные типы дыханіемъ неподдельной жизни — особой, степной, тайгской

жизни,—все это говоритъ, что въ лицѣ Г. Гребенщикова мы имѣемъ незауряднаго беллетриста.

Было бы весьма печально, если бы новая книга писателя, появившаяся въ такое тяжелое время, затерялась среди сибирскимъ читателемъ въ горахъ всякаго военно-литературнаго хлама, среди цѣлаго потока книгъ, сборниковъ и альманаховъ, посвященныхъ злободневной темѣ.

За послѣднее пятилѣтіе въ нашей литературѣ произошелъ замѣтный сдвигъ въ сторону „непрекрашенной жизни“; литература перестала быть „литературщиной“, она стала цѣльнѣе, свѣжѣе, демократичнѣе. Петровъ, шумнее, но худосочное творчество модныхъ одно время беллетристовъ—„искателей новыхъ путей“ замерло. Увлеченіе „творимой легендой“, „міромъ сказочнымъ“ миновало. Тамъ, гдѣ была лишь „мертвая зыбь“, поднялись рокошующія, мощныя волны живыхъ, бодрыхъ пѣсней. На литературное поприще встали такіе писатели, какъ Ив. Вольный, Чапыгинъ, Замятинъ и др.

Къ этому кругу молодыхъ писателей долженъ быть отнесенъ и Г. Гребенщиковъ. авторъ такихъ талантливыхъ вещей, какъ рассказы: „Волчья жизнь“, „Лѣсные короли“, „Степашкина любовь“, „Ханство Батырбека“.

Эти четыре вещи вошли во 2-й томъ рассказовъ Гребенщикова и являются украшеніемъ книги. Трудно судить о пути, о будущемъ только-что развертывающагося писателя, но намъ думается, что въ названныхъ его произведеніяхъ болѣе чѣмъ въ другихъ, сказался художническій обликъ автора, его писательское „я“.

Въ „Волчьей жизни“, „Лѣсныхъ короляхъ“ и „Степашкиной любви“, прежде всего, останавливаетъ на себѣ вниманіе цѣлостность типовъ, ихъ свѣжесть, ихъ полное сліяніе съ окружающимъ дремучимъ, почти первобытнымъ міромъ: тайга и степь—таежные и степные люди; торжество инстинкта, могучаго и царственнаго, надъ всѣмъ, что отъ *человѣка*; языческая безтрепетность въ думѣхъ и чувствахъ, рожденных приливами любви, ревности, мести.

Здѣсь, въ постановкѣ нѣкоторыхъ темъ, въ размахѣ начальныхъ, дикихъ нѣтъвъ

жизни, въ прозрѣніи подсознательнаго міра звѣря—человѣка, въ стремленіи гармонизировать законы бездушной природы съ законами слѣпцаго инстинкта звѣря, съ тайнымъ, стихійно развертывающимся мироощущеніемъ звѣря—заповѣди дикаря, язычника,—авторъ—сибирякъ близокъ къ Дж. Лондону. Конечно, это—стихийное совпаденіе. Можетъ быть, тутъ сказалось сходство обстановки, изъ которой черпали свои наблюденія америкаецъ и сибирякъ.

Вглядитесь въ душу охотника по волкамъ Митки („Волчья жизнь“), короля лѣсовъ Антропа („Лѣсные короли“), деревенскаго парня Степашки („Степашкина любовь“) и вы увидите, что тутъ тотъ самый міръ, который видитъ, слышитъ, прозрѣваетъ писатель въ воѣ тайги, въ столахъ умирающей волчицы, въ захлебывающемся жуткомъ голосѣ безглазого чувства самца—звѣря.

Когда слѣдишь по рассказамъ Гребенщикова за движеніемъ и проявленіемъ въ звѣрѣ „лучшихъ его инстинктовъ“ (материнства, любви къ дѣтенышу), а затѣмъ, сталкиваясь въ тѣхъ-же рассказахъ съ свѣтлыми проявленіями души Митки, Чеке, Батырбековъ, Степашекъ и т. д. и т. д.,—видишь, что *человѣческое* крѣпко сплетено здѣсь съ нетронутыми родниками живой природы.

Мы не имѣемъ возможности остановиться на подробномъ разборѣ въ этой замѣткѣ произведеній, вошедшихъ въ книгу Гребенщикова, рекомендуя читателямъ непосредственно познакомиться съ ними. Но мы не все сказали бы о книгѣ, если бы не остановились на недостаткахъ ея.

Въ нѣкоторыхъ рассказахъ („Въ циркѣ“, „Въ бору“, „Лебедь“ и, особенно, „Гость“) авторъ нерѣдко впадаетъ въ досадный сентиментализмъ, особенно неприятный рядомъ съ здоровымъ, художественно-безстрастнымъ освѣщеніемъ быта („Грѣхъ“, „Какъ гуляетъ Тихонъ“), „Дѣло одинокое“).

Въ рассказѣ „Царь Максимилианъ“, столь богатомъ правдою жизни, нѣтъ того, что называется художественнымъ синтезомъ. Рассказъ становится въ кругъ простаго пересказа о томъ, что бывало въ деревнѣ, когда тамъ голодно, холодно и скучно.

Видна мѣстами въ книгѣ небрежность языка. Рядомъ съ такимъ красиво написаннымъ отъодомъ, какъ „Въ горныхъ даяхъ“, есть въ книгѣ и недостаточно обработанный разсказъ „Дѣло одинокое“. Здѣсь, между проч., имѣется, напр., такой оборотъ языка: „Онъ смотрѣлъ на окрестные холмы, покрытые

толстымъ слоемъ снѣга... Затѣмъ заботливо поглядѣлъ на остатки сметаннаго на повѣти сѣна“ и. т. п.

Все это, конечно, устранимо, случайно, но и.. досадно видѣть у такого бесспорно талантливаго писателя, какъ есть Г. Гребенщиковъ.

В М-ичъ.

П О П Р А В К А

Въ ст. „На Славномъ Посту“ (№ 1—2 „Сиб. Студ.“)

Въ предыдущемъ номерѣ „Сиб. Студ.“ въ статьѣ „На славномъ Посту“ вкрадась значительная ошибка, благодаря уже допущеннымъ ранѣ подобнымъ же ошибкамъ въ существующихъ печатныхъ матеріалахъ, а именно: на стр. 55 сказано „Судъ приговорилъ Г. Н. Потанина къ смертной казни. Онъ испыталъ весь ужасъ приготовления къ смерти, онъ стоялъ на эшафотѣ...“ Въ данное время автору статьи со словъ самаго Гр. Н. Потанина удалось возстановить этотъ моментъ: Надъ Гр. Н. былъ совершенъ обрядъ гражданской смерти... Въ Омскѣ отъ полиц. упр. до базарной площади въ Ильинкѣ, что на берегу р. Оми, Гр. Н. провозили на особой колесницѣ-эшафотѣ. Была ли повѣшена на его груди черная доска съ надписью преступленія, совершеннаго осужденнымъ, какъ это полагалось, Гр. Н. не помнитъ. На базарной площади былъ поставленъ эшафотъ, куда и ввели осужденнаго. Палачъ сталъ привязывать его руки къ столбу, но у него плохо это выходило.

Полицмейстеръ замѣтилъ палачу: Палачъ не знаетъ своего дѣла!“

Потанинъ стоялъ съ привязанными руками къ столбу, и здѣсь то была прочтена конфирмація, по которой онъ приговоренъ былъ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, при чемъ въ конфирмаціи было сказано, что Сенатъ просилъ Высоч. Власть понизить наказаніе до 5 лѣтъ, что и было утверждено. Ген-губ. Хрущевъ приказалъ, чтобы обрядъ этотъ былъ совершенъ рано утромъ и онъ былъ исполненъ на зарѣ, почему на базарѣ было еще мало публики и около эшафота образовалось кольцо зрителей лишь въ одинъ рядъ. Затѣмъ осужденнаго отвязали отъ столба и на той же колесницѣ отвезли въ полицію, а затѣмъ въ тюрьму, откуда немедленно отправили въ Свеаборгъ. Въ Свеаборгѣ срокъ наказанія былъ сокращенъ на нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ по манифесту на два года, такъ что Гр. Н. въ Свеаборгской крѣпости работы отбывъ три года

Авторъ.

Редакторъ-Издатель М. Б. ШАТИЛОВЪ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

МАНУФАКТУРНЫЙ МАГАЗИНЪ

ТОВАРИЩЕСТВА

А. ЧУБУКОВЪ и П. КОСТРОМИТИНОВЪ

въ г. ТОМСКѢ.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„ВОЛГА“

учрежденное въ 1871 году:

- I. Страхование отъ огня: движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ всякаго рода,
- II. Страхование транспортовъ: морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ,
- III. Страхование пароходовъ и судовъ: отъ всѣхъ опасностей.

СИБИРСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ.

Томскъ, Нечаевская улица № 24. Телефонъ №№ 724 и 1009.

АГЕНТСТВА ВО ВСѢХЪ ВРУПНЫХЪ ЦЕНТРАХЪ СИБИРИ.

ВТОРОЕ РОССІЙСКОЕ СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

учрежденное въ 1835 году.

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ:

1. Капиталовъ на случай смерти,
2. Капиталовъ и доходовъ на старость,
3. Страхование дѣтей для обезпеченія стипендій и приданого,
4. Смѣшанное страхование,
5. Страхование на случай потери трудоспособности.

Главнуполномоченный для Сибири, Мануэль Львовичъ Евзеровъ.

Томскъ, Нечаевская ул. № 24. Тел. №№ 724 и 1009.

1916

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.

1916

на новый ежемѣсячный журналъ,

издаваемый при ближайшемъ участіи М. Горькаго, **ЛѢТОПИСЬ**.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала будутъ помѣщены повѣсти и рассказы: Ив. Бунина, Ив. Вольнаго, М. Горькаго Г. Гребенщикова, Л. Добропорова, Ев. Замятина А. Замиратова, Н. Левченко, Г. Вяткина, М. Пришвина К. Тренева, В. Чирикова, И. Шмелева Вяч. Шишкова и мн. др.

По вопросамъ внутренней жизни—статьи М. Бернацкаго, С. Золотарева, Н. Суханова, И. Чернышева, В. Яхонтова и др.

Журналъ отводитъ много мѣста освѣщенію быта провинціи и, въ частности, Сибири. Въ каждомъ номерѣ будутъ помѣщаться **СИБИРСКІЕ ОЧЕРКИ** при участіи: Вл. Войтавскаго, Г. Гребенщикова, Вяч. Шишкова и др.

1916

Подписная цѣна на годъ—12 р., полгода—6 р., три мѣсяца—3 р., 1 мѣсяць—1 р. Допускается разсрочка. Адресъ главной конторы: Петроградъ, Б.-Монетная ул., 18.

1916

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ

— — НА — —

„Ежемѣсячный Журналъ“

издаваемый В. С. Миролюбовымъ.

II й годъ изданія.

II й годъ изданія

Въ журналъ принимаютъ участіе: Е. Замятинъ, А. Бибикъ, В. Вилинченко, В. Львовъ, Рогачевскій, К. Качаровскій, С. Масловъ, Л. Никифоровъ, Г. Вяткинъ, Г. Гребенщиковъ, М. Шатиловъ, Вяч. Шишковъ, А. Замиратовъ, Вл. Бахметьевъ, М. Артамоновъ, Г. Магнитскій, Ив. Наживинъ, Ю. Верховскій, Л. Зильовъ, В. Зензиновъ и мн. др.

— — — Въ журналѣ имѣются отдѣлы: — — —

беллетристика, стихотворенія, изъ жизни, по Россіи исторія литературы исторія общественной мысли, биографія исторія, самоуправленіе, жизнь деревни, кооперація, письма изъ деревни, иностранная жизнь, война внутренняя жизнь и др.

— — Въ книгахъ журнала въ 1916 году много вниманія уделено, между прочимъ, Сибирской жизни. — —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—4 р. 50 к., полгода—2 р. 50 к. Адресъ конторы и редакціи Петроградъ, Серпуховская, 40.

КВАРТИРНОЕ БЮРО СТУДЕНЧЕСТВА

гор. ТОМСКА.

БЮРО предлагаетъ въ разныхъ мѣстахъ гор. Томска КОМНАТЫ и приглашаетъ квартирохозяевъ дать свѣдѣнія о нихъ въ Бюро.

Бюро открыто ежедневно съ 2 час. до 4 час. Черепичная № 5. Телефонъ № 896.

ТОМСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ

(Почтамтская ул., соб. домъ).

ПЕТРОГРАДСКАГО ТОРГОВАГО ДОМА

ШТОЛЬ и ШМИТЪ.

ПОСТАВЩИКИ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Аптекарскіе, москательные и парфюмерные товары.

РЕЗИНОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ,

Хирургическіе инструменты,

ПЕРЕВЯЗОЧНЫЕ ПРИНАСЫ,

фотографическіе аппараты и принадлежности.

Патентованныя и дезинфекціонныя
средства,

Натуральныя минеральныя воды,

Аптекарскія принадлежности и т. п.

(4-й годъ изданія).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 г.

(4-й годъ изданія).

На ежемѣсячный литературный, научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ“

издаваемый въ Петроградѣ.

Въ 1916 г. журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ въ области художественной литературы (беллетристика, стихи) литературной критики, искусства, театра, науки, философіи, религ. политик. народного хозяйства.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ съ пересылкой на годъ 7 р., на 6 мѣс.—4 р. на 3 мѣс.—2 р. 25 к. за границу на годъ—10 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала Петроградъ, Загородный пр., 21 въ крупныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ. Книжные магазины за комиссію удерживаютъ 5 проц.

Отдѣльные номера для ознакомленія высылаются по 60 коп. налогомъ платеномъ 75 к. Издательница С. И. Чацкина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ.

На политическій, литературный и научный журналъ,

„Сибирскія Записки“.

Первая книжка журнала выйдетъ въ концѣ января 1916 года (въ годъ—четыре книжки).

Въ журналѣ принимаютъ участіе А. И. Ильиничъ-Паскаевъ, В. Л. Крутовскій, П. З. Озерныхъ (ст. Байкаловъ), К. И. Морозовъ, Дм. Илимскій, Вл. Бахметьевъ, Г. Гребенщиковъ, Г. Вяткинъ, Вяч. Шмидтъ, А. Новоселовъ, Г. Н. Потанинъ, Н. Чужакъ, Ф. Филимоновъ, А. Прибыль и др.

Подписная цѣна: на годъ—4 р., полгода—2 р., отдѣльная книжка—1 р.

Адресъ редакціи и конторы: Красноярскъ, Гостинская, домъ В. М. Крутовскаго.

ТОВАРИЩЕСТВО

А. Ф. Второва съ С-ми

КЪ ЗИМНЕМУ СЕЗОНУ
ПРЕДЛАГАЕТЪ

ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ:

Шелковыя шерстяныя матеріи для платьевъ, блузокъ и рапотовъ.

Полный ассортиментъ суконныхъ товаровъ для КОСТЮМОВЪ, ШУБЪ
и ПАЛЬТО, а также форменные товары.

Большое разнообразіе бумажныхъ, зимнихъ тканей, полотняныхъ, мебельныхъ и платочныхъ тов.

Мѣха, мѣховыя отдѣлки мужскія и дамскія.

ШАПКИ, МУФТЫ И ГОРЖЕТЫ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КАРАКУЛЯ.

Мужское и дамское готовое платье, формы всѣхъ вѣдомствъ.

ПРИЕМЪ ЗАКАЗОВЪ исполненіе въ собственныхъ мастерскихъ подъ
наблюденіемъ закройщиковъ.

ВЪ МОДНО-ГАЛАНТЕРЕЙНОМЪ ОТДѢЛЕНИИ

получно въ большомъ выборѣ МУЖСКОЕ и ДАМСКОЕ бѣлье, фуфайки,
носки, чулки, перчатки и проч. теплые товары;

а также капоты, блузки, юбки, матинэ, дѣтскія
платья и костюмчики.

ДАМСКІЕ И МУЖСКІЕ ГЕТРЫ.

Всевозможная парфюмерія.

Продолжается подписка съ 1-го сентября 1915 года
на 2-й годъ изданія
НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
(отъ 9 до 12 номеровъ въ годъ).

Сибирскій Студентъ

издающійся въ гор. Томскѣ

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ: 1) переводныя статьи; 2) среда газетъ и журналовъ; 3) заграничное и русское обозрѣніе; 4) сибирская жизнь; 5) студенческая и русская студенческая жизнь; 6) томская студенческая жизнь; 7) беззащитность; 8) наука и искусство; 9) критика и библиографія; 10) письма въ редакцію; 11) почтовый ящикъ; 12) объявления.

Въ данное время изъявили согласіе принять участіе съ журналъ слѣд. лица:

А. В. Адриановъ, Мих. Альтъ, В. Н. Анучинъ, Н. Аркадина, Артемъ А. Е. Балашъ, Вл. М. Бахметьевъ, М. А. Гагаринъ, М. Г. Гасильева-Потанина, Г. Е. Гатманъ, Г. А. Гатинъ, А. Р. Высокій, Г. А. Ваткинъ, Ненавъ Г., проф. А. В. Горбуновъ, Г. Д. Гребенниковъ, Н. А. Гудковъ, К. Дубровский, П. Есенинъ, Б. М. Жихаревъ, А. М. Замираевъ, В. Зарницинъ, С. А. Звановъ, Дмитр. Илларионовъ, Н. Караванскій, П. А. Козловъ, Е. В. Колосовъ (Италія), проф. Н. Н. Брѣвченко, Юр. Каменевъ, Вл. М. Крутовскій, Н. И. Левченко, А. И. Ломановъ, Вл. С. Лопшиновъ, проф. П. П. Ташенко, Ф. П. Малицкѣвъ, Молзалевицкій, А. Е. Новоселовъ, А. Оленичъ-Евсенько, Г. М. Потанинъ, Г. Г. Преображенъ, Лав. Раичковъ, Н. А. Рожковъ, П. Савичъ, В. М. Силинъ, проф. С. И. Солнцевъ, П. П. Тачаловъ, Н. Н. Теплякинъ, А. С. Туркинъ, Тамелеонъ, Вл. Н. Чепаловъ, П. Чижикъ, Ада Мушаченко, М. В. Шатиловъ, В. М. Шипиловъ, К. Юганова-Ятвина и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ Томскѣ въ годъ 2 р. 50 к.; 1/2 года 1 р. 40 к.; отдѣльн. номеръ 30 к., для иногороднихъ въ годъ 3 р. 10 к.; 1/2 года 1 р. 70 к.; отдѣльн. номеръ 36 к.

Въ печатномъ листѣ (1 стр.) „Сиб. Студ.“ дается матеріалъ значительно больше, чѣмъ вмѣщаетъ обычно журнальный листъ. Листъ „Сиб. Студ.“ имѣетъ 36 тыс. буквъ — средній же листъ толстаго журнала 30—36 тыс. буквъ. Годовые и полугодовые подписчики получаютъ обусловленное количество книжекъ, а не номеровъ.

Адресъ редакціи: Томскъ, ул. Вѣликанова № 18. Приемъ подѣланъ редакціи подписки и объявленій ежедневно, кромѣ праздничныхъ, отъ 4 до 5 час. вечера.

Редакторъ-издатель М. В. Шатиловъ